

Андрей Бондаренко

С
т
р
а
ж

Г
о
с
у
д
а
р
я

Двойник Светлейшего

Андрей Бондаренко

Страж Государя

«Автор»

2009

Бондаренко А.

Страж Государя / А. Бондаренко — «Автор», 2009 — (Двойник Светлейшего)

Профессиональные телохранители — люди серьёзные, несуетливые и обязательные. Готовые охранять кого угодно и где угодно — был бы Контракт щедрым и достойным. Клиент «проживает» в семнадцатом веке и по этому поводу будет задействована Машина Времени? Утройте гонорар, и никаких проблем. Нельзя вмешиваться, находясь в Прошлом, в текущие события? Только охранять государя Петра Первого и не более того? Хорошо, сделаем. Не вопрос. И он не вмешивался. До поры и до времени. Пока в дело не вмешалась она, Любовь...

© Бондаренко А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвёртая	36
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Бондаренко

Страж Государя

От автора

Российский Император Пётр Первый – фигура в истории российской очень и очень неоднозначная, противоречивая и загадочная...

Одни уважаемые и заслуженные историки, увешанные многочисленными званиями и регалиями, чётко и непреложно утверждают:

– Император Пётр, прежде всего и вся, искренний патриот и талантливый реформатор, под чутким руководством которого Россия в рекордно короткие сроки вошла в почётный перечень – ведущих европейских держав...

Их менее маститые оппоненты упорно предлагают совершенно противоположную версию:

– Пётр – обычная марионетка в руках искусных европейских политиков и случайных авантюристов. А он лично, как человек, что представляет собой? Да просто бессовестное чудовище, сатрап, монстр, самодур, серийный насильник, кровавый маньяк...

Самое лёгкое в данной ситуации – это важно так сказать, мол: «Истина, как и всегда, как ей и положено, находится где-то посередине...».

Но однажды мне подумалось, что уважаемому читателю будет интересно попутешествовать по тем загадочным Временам, а также познакомиться с различными людьми, жившими в ту противоречивую Эпоху: с безобидными мечтателями и расчётливыми коммерсантами, с честными служаками и коварными политиками, с записными авантюристами, не боящимися крови, и с прекрасными и романтическими барышнями...

Вот так и родилась эта книга.

О её качестве и полезности судить не мне...

Глава первая

Странные сны и капля с микробами

Мужчина в чёрном распахнутом плаще идёт по берегу моря. Под плащом – всё тоже чёрное: брюки, рубашка, даже шейный платок. А вот широкополая шляпа и кожаные сапоги – цвета беж. Скучные серые волны, в бессильной злобе кусающие каменистый берег, жёлтые дюны, местами поросшие тёмно-зелёными кустиками цветущего вереска. Сапоги мужчины тонут в сыпучем песке...

Вот он выбирается на пологий холм, с которого открывается шикарный вид на узкий морской залив: по спокойным изумрудным водам медленно движется неуклюжий громоздкий двухмачтовый бриг – без каких-либо опознавательных флагов и вымпелов. У самой береговой кромки замерла – в напряжённом ожидании, очень красивая русоволосая женщина – в нарядном белом платье, отделанном пышными сиреневыми и лиловыми кружевами. Женщина, поднеся ладонь правой руки к глазам, с тревогой всматривается в проплывающее судно.

В десяти-двенадцати метрах от женщины, на большом шаровидном валуне, расположился седоволосый старик-сиу, одетый в традиционную индейскую одежду. Старик невозмутимо курит длинную трубку, вырезанную из корня вереска, мундштуком которой служит полый стебель маиса. Мужчина торопливо покидает вершину холма, спускается вниз, к морскому берегу...

Женщина оборачивается на звук шагов мужчины, взволнованно указывает рукой на странный бриг:

– Егор, это не по нашу ли душу?

Мужчина не успевает ничего ответить: на клотике передней мачты корабля взмывается флаг – белый, с двумя перекрещивающимися синими полосами, над левым бортом судна появляется желтоватое дымное облако.

Нарастающий свист, два ядра, соединённые короткой цепью, встречаются с головой старого индейца: фонтан ярко-красной крови, серые мозги, разлетающиеся в разные стороны, страшный крик женщины...

Егор проснулся, смахнул ладонью со лба капельки холодного пота, с трудом дотянулся до большой фарфоровой кружки с холодным чаем, сделал несколько жадных глотков, поставил кружку на место, устало откинулся на подушку, снова погружаясь в зыбкую таинственную полумглу очередного сна...

Берег холодного мрачного озера.

Совсем недалеко от берега – небольшой овальный остров, на острове – приземистая старинная крепость, сложенная из светлых северных камней-валунов.

Лодки, полные неуклюжих вооружённых мужиков, одетых в зелёные смешные кафтаны, смело плывут на решительный штурм – под пушечными ядрами и мушкетными пулями. Грохот, яростные крики штурмующих, жалобные стоны раненых, густой пороховой дым, застилающий всё вокруг...

– Алексашка, сволочь последняя! – вопит, обращаясь к Егору, высокий костистый мужик, обладатель абсолютно диких круглых глаз, которые, того и гляди, выскочат из своих орбит. – Что ты тут делаешь, сучий потрох? Быстро на штурм, трусливый гадёныш! В первых рядах чтоб у меня....

Грохот, яростные крики, клубы белого дыма...

Картинка вдруг мутнеет и исчезает, словно бы растворяясь – в странной розово-сиреневой дымке, покрытой редкими, нежно-зелёными всполохами...

Он идёт по улицам города. Обычного современного города, разве что тротуары значительно шире обычных, да по проспекту проезжают редкие автомобили совершенно неизвестных марок. Люди, радостно улыбаясь, дружно идут по тротуарам – в одном и том же направлении, несут в руках большие букеты цветов, о чём-то возбуждённо переговариваясь между собой. Обычные, в общем-то, люди, разве что одеты чуть странно и непривычно...

На деревянной скамейке, выкрашенной в цвета российского флага, сидит симпатичный старичок: чуть мятый, светло-бежевый летний костюм, старомодное пенсне на носу, на голове – новенькое соломенное канотье.

– Дедушка! – спрашивает Егор, присаживаясь рядом. – А куда народ то так спешит?

– Как это, куда? – удивляется пожилой господин. – На Дворцовую площадь, к Романовскому храму. Сегодня же Коронация. Государь Пётр Шестой официально восходит на Престол Российский....

– Коронация, Пётр Шестой? – удивляется Егор. – А где же эти, ну, как их? Демократы, коммунисты, эсеры всякие?

Старичок внимательно смотрит на Егора, озабоченно качает головой:

– Станный вы какой-то, молодой человек! Приболели наверное, или с похмелья сильного. Вот и слова говорите – всё незнакомые какие-то...

Мерзкий звон будильника...

Егор проснулся, открыл глаза и сильно ударил по кнопке, расположенной на макушке голосащего монстра, противный звон тут же прекратился.

– Какие странные сны, очень странные, – пробормотал Егор себе по нос. – Так всё было натурально: цвета, звуки, голоса.... Приснится же такое!

На Северном кладбище было тепло и где-то даже уютно: лёгкий ветерок ласково перебирал волосы, лучи утреннего солнышка бесшумно купались в придорожных лужах, в ветвях кладбищенских деревьев чуть слышно чирикали какие-то мелкие пичуги.

Сосновая аллея, двадцать второй ряд, крайняя, ещё совсем свежая, могила, новенький деревянный крест – без каких-либо табличек.

– Эх, мама, мама, что ж ты не дождалась меня? Всего то – две недели..., – горестно вздохнул Егор, осторожно присаживаясь на хлипкую скамейку у соседнего (в другом ряду), гранитного памятника-плиты. – Как же так?

Перекурив, он поднялся на ноги, тщательно собрал с прямоугольного холмика разный мелкий мусор: берёзовые веточки, рыжую сосновую хвою, одинокий конфетный фантик. Руками выкопал в свежей земле (вперемешку с жёлтым песком), несколько неглубоких ямок-лунок, вытащил из полиэтиленового пакета торфяные горшочки с рассадой неизвестных ему растений, купленных у бабушек, торговавших всякой всячиной у ворот кладбища, вставил горшочки в лунки, тщательно прикопал. Достал из того же пакета пластиковую бутылку с водой, полил свои посадки. Остатками воды сполоснул руки, обтёр их носовым платком...

Сев обратно на скамью, Егор вытащил из внутреннего кармана куртки водочный «малёк», сорвал крышку-кепку, в семь-восемь глотков опорожнил стеклянную ёмкость до дна, обтёр рот ладонью, поморщился, положил пустую бутылку обратно в пакет, снова посмотрел на свежий холмик с безымянным крестом, проговорил – медленно, чуть дрожащим голосом:

– Пусть, мама, земля тебе будет пухом! Спи спокойно! – сглотнул предательскую слюну, закурил новую сигарету, после минутной паузы продолжил: – Знаешь, мама, я тут тебе памятник заказал. Красивый такой! Сама потом увидишь.... Только его установкой Никита Иванов займётся. Помнишь Ника? Мы с ним в одной школе учились – до десятого класса, а потом он переехал в Купчино.... Вот он всё и сделает. Я и доверенность на Никиту оставил – чтобы он

комнатёнку продал нашу. Зачем мне она – без тебя и Наташки? Невеста то моя, знаешь уже? Тоже не дождалась, вышла замуж. Что ж, бывает.... А Ник – он славный, не обманет, потом отдаст деньги. А я улетаю на Кубу, самолёт уже сегодня вечером. Там у меня друзья хорошие в Гаване – Хосе и Диего. Служили мы с ними вместе – в одной южной стране.... Впрочем, рассказывать про это нельзя – военная тайна. Что я там буду делать? Толком не знаю ещё. Отдохну немного. Белоснежные заброшенные пляжи, юные мулатки, тоненькие и незащищенные – с жёлтыми розами, вплетёнными в угольно-чёрные волосы.... Да, ладно, это я просто шучу. У Диего есть возможность выправить визу в Сальвадор. Или в Никарагуа? Не помню точно, да и неважно это совсем.... Повоюем немного – за местных повстанцев. Там, говорят, платят неплохо.... Так что сейчас меня в России и не держит ничто, да и никто. Я, мама, не навсегда уезжаю, вернусь ещё, конечно. Обязательно вернусь! Хотя бы для того, чтобы с тобой поговорить, цветы новые посадить на могилке.... А когда вернусь, уже дом, наверное, достроят, в котором мне генералы обещали дать квартиру. Я её тоже продам. А потом все деньги сложу вместе и уеду на юг, к морю.... Ты же, мама, всегда мёрзла в Питере и мечтала о домике на берегу тёплого моря, чтобы сад был фруктовый – обязательно с черешней и грецким орехом, чтобы цветов было много...

В международном аэропорту Пулково-2 было многолюдно, шумно и нестерпимо душно. Суетливые зарубежные и отечественные туристы и туристки, обременённые многочисленными чемоданами на колёсиках и толстыми неподъёмными сумками, выстроились в длинные бесконечные очереди к регистрационным стойкам.

Суэта, запах пота – вперемешку с ароматами изысканных духов и дорогой туалетной воды, иностранная речь, и незримая нервная аура, царящая над всем этим бедламом...

Егор, легкомысленно закинув свой тощий рюкзачок за спину, вежливо отодвигая издёрганных и нервных иностранцев в стороны, прошествовал в самый дальний угол зала, непроизвольно отмечая, что многие иностранные и местные тётеньки поглядывают на его ладную плечистую фигуру с нескрываемым интересом.

У стойки номер двадцать два никакого ажиотажа не наблюдалось.

«Оно и понятно», – промелькнула в голове ленивая мысль. – «Желающих посетить солнечную Гавану нынче немного. Турция и Египет – намного ближе. Да и дешевле гораздо...».

Егор предъявил милой молоденькой сотруднице аэропорта билет и паспорт, подошёл к стойке пограничной службы.

«Вот и всё», – подумалось с лёгкой грустинкой. – «Ещё несколько минут, и прощай, милая Родина! Когда-то ещё вернусь обратно.... Через год, через два?».

На плечо легла тяжёлая свинцовая рука.

– Леонов Егор Петрович? – осведомился тусклый металлический голос.

– Он самый.

– Пройдёмте!

Перед глазами маячили чьи-то широкие плечи в зелёной форме – с майорскими пагонами, по бокам насторожённо сопели ещё двое здоровяков-пограничников, угадывалось и чьё-то присутствие сзади. Вошли в боковую широкую дверь, поворот, коридор, поворот, ещё одна дверь, новый коридор...

«Лихо это они тебя, братишка, взяли в оборот!», – заботливо поделился своими опасениями внутренний голос. – «Неспроста это, ох, неспроста!».

Шеи коснулась тонкая острая игла, десятые доли секунды – и весь мир пропал куда-то, в неизвестном направлении...

На уровне подсознания он ощущал, как его аккуратно и бережно кладут на носилки, куда-то несут, потом сыто загудел двигатель автомобиля, приятно закачало на мощных рессорах...

Сознание медленно вернулось. Егор уже слышал тиканье настенных часов (старинных, скорее всего – с кукушкой), ощущал незнакомый запах: пахло то ли больницей, то ли – театральной гримёрной. Странное такое сочетание...

– Ну, открывай глазоньки, бродяга! – раздался чей-то противный голос, щёки ощутили лёгкое похлопывание.

Егор открыл глаза – перед ним стоял неприятный скользкий тип: среднего возраста, с обширными залысинами и колючими серыми глазами, одетый в элегантный чёрный костюм. Этаким типичный халдей – в галстук цветастом.

– Что, оклемался? – спросил неприятный тип и, не дожидаясь ответа, подошёл к круглому столу на длинной ножке, поднёс к уху чёрную телефонную трубку: – Шеф? Он пришёл в себя. Хорошо, ждём! – положив трубку обратно на рычажки аппарата, снова обратился к Егору:

– Через пять минут с вами будут говорить, советую вести себя прилично, без глупостей всяких...

Егор огляделся по сторонам. Он сидел в низком и массивном, наверняка очень тяжёлом, кресле, руки специальными браслетами были прикреплены к деревянным подлокотникам, ноги, по ощущениям, также были несвободны, во рту было нестерпимо сухо – с оттенком рвотной кислоты. Тип с залысинами замер возле самой обычной двери, приняв позу покорного ожидания – скрестив руки на груди, насторожённо и неприязненно поглядывая на Егора.

Через некоторое время входная дверь приоткрылась, пропуская внутрь помещения ещё одного мужчину: высокого, уже достаточно пожилого, как принято говорить – позднего предпенсионного возраста. Орлиный нос, тёмное морщинистое лицо, обрамлённое длинными – до плеч, седыми волосами, бархатная профессорская куртка на широких плечах. А вот взгляд голубых глаз незнакомца был необычным – одновременно волевым и печальным.

«Очень волевым и очень печальным – одновременно», – подумал Егор. – «Такие вот – многознающие глаза, полные тоской звериной – от тех знаний...».

Незнакомец уселся на антикварный стул, предупредительно пододвинутый «халдеем», заглянул Егору в глаза, проговорил негромко:

– Томас, дайте-ка нашему гостю выпить что-нибудь тонизирующего, после чего покиньте нас на время!

– Слушаюсь, шеф! – тип с залысинами исчез из поля зрения Егора, послышался шум льющейся жидкости, через пару секунд губ Егора коснулся край стеклянного стакана.

– Смело пейте, молодой человек! – седоволосый незнакомец говорил приятным глубоким баритоном. – Поверьте, сейчас нет никакой необходимости подмешивать яд в ваш напиток. Пейте, пейте, вам сразу полегчает!

Глоток, второй, третий. Владелец всезнающих глаз не обманул: терпкий, чуть кисловатый напиток оказал на организм Егора воистину волшебное действие. Голова стала абсолютно ясной, обострились зрение и слух, по всему телу прошла-пробежала приятная и тёплая волна.

Мужчина улыбнулась – скупой, ободряющей, но вместе с тем – и строго:

– Меня зовут – Координатор, для вас этого вполне достаточно. Как зовут вас я, как вы понимаете, знаю. Вы не будете против, если на этом этапе нашего разговора я буду говорить, а вы, в основном, слушать? Вот и хорошо. Впрочем, не возбраняется и обмениваться вопросами. Итак, Леонов Егор Петрович, двадцать три года с небольшим.

Родились ещё в Ленинграде, маленькая комната в коммунальной квартире – на Средней Охте, мать-одиночка, отца своего не знаете. С детства имели склонность к точным наукам, окончили специализированную физико-математическую школу. Всегда отличались повышенной любознательностью, имели очень широкий круг интересов. В младших классах вы посещали химический кружок при Дворце пионеров – пока этот Дворец ещё работал, потом активно занимались в театральной студии, в старших классах посвятили себя спорту: самбо, дзюдо, карате... Особых спортивных успехов не достигли, но получили определённые навыки,

весьма полезные в жизни повседневной....И с театральной студией вы никогда не порывали до конца, и факультативные занятия по английскому языку не обделяли своим вниманием, умудряясь как-то совмещать вещи, мало и плохо совместимые. Интересный такой вот сплав, право.... После одиннадцатого класса вы оказались перед выбором: поступать на физико-математический факультет Санкт-Петербургского Университета, или – в один из театральных вузов. Победила – и совершенно напрасно, между нами говоря, – любовь к театру.... Хотя, кто знает, в конечном итоге? Продолжаем. Вы подали документы сразу во все питерские театральные учебные заведения. Не поступили, ну, так сложилось, со многими бывает.... День рождения у вас в феврале, поэтому весной 2005 года вас забрали на воинскую службу. Честно отслужили два года по призыву, потом ещё два – по контракту: в разных южных, немного странных и беспокойных странах. Причём в элитных войсках особого назначения. Не будем уточнять, в каких конкретно.... Владеете приёмами восточных единоборств, прошли специализированные курсы военных телохранителей, знакомы с азами диверсионной деятельности. Все эти четыре года ваша невеста Наталья регулярно писала вам письма, клялась в своей верности, обещала дожидаться. Но, четыре года? Не многовато ли, мон шер, для девушки современной? Когда вы демобилизовались, выяснилось, что недавно Наталья вышла замуж – за юного лейтенанта-связиста, и вместе со своим мужем уехала куда-то на Дальний Восток, на заброшенную пограничную заставу. А ваша любимая матушка, примите мои уверения в искреннем сочувствии, умерла от рака за две недели до вашей демобилизации. О её болезни вы совершенно ничего не знали.... Пока я излагаю всё правильно? Тогда продолжаю.... Вы решили на какое-то время (или даже – навсегда?), уехать из России. Для начала – на Кубу, где живут ваши кубинские сослуживцы, с которыми вы успели подружиться. Как вы выразились сегодня утром на кладбище: – «У Диего есть возможность выправить визу в Сальвадор. Или – в Никарагуа? Впрочем, неважно! Повоюем немного – за местных повстанцев. Там, говорят, платят неплохо...». Что ж, военный наёмник – вполне уважаемая профессия – по нашим мутным временам, можно и солидный капитал заработать – на безбедную старость, если, конечно, не убьют.... Разрешите вопрос. А почему именно Куба, Никарагуа, Сальвадор? Разве на этой прекрасной планете мало других интересных мест, где наёмникам тоже платят – приличные деньги?

Егор неопределённо и легкомысленно пожал плечами:

– Да мне, собственно, всё равно. Можно и в другое место.... Район Карибского моря – просто потому, что там тепло и много стройных мулаток. Старика О Генри я в юности много читал – «Короли и капуста», например, вот и решил. Опять же друзья там мои живут хорошие, проверенные.... А вы, уважаемый господин Координатор, представляете интересы ФСБ? Какой-нибудь другой знаменитой спецслужбы?

– Можно и так сказать: какой-нибудь другой международной спецслужбы. Но вам, как и всем прочим – рядовым жителям этой планеты, совершенно неизвестной! Что совсем и неважно – в данной конкретной ситуации. Здесь важно только то обстоятельство, что вам совершенно всё равно, куда уезжать. Ведь так?

– Только не в Антарктиду! – неожиданно для самого себя заволновался Егор. – С детства не люблю холода!

– Нет, не в Антарктиду, – мимолётно улыбнувшись, успокоил его собеседник. – Климат для вас будет вполне привычным, без неожиданностей. Как вы отнесётесь к такому предложению: уехать, м-м, в другое время?

– Не знаю пока! – честно ответил Егор. – Неожиданное такое предложение....

– Не удивляетесь, не возмущаетесь, не требуете прекратить эти дурацкие шутки. Почему, собственно?

Егор смешно наморщил нос:

– Всё очень просто, господин Координатор! Когда-то всё написанное Жюлем Верном многим казалось фантастикой и глупыми сказками. Потом эти сказки начали сбываться – одна

за другой... Так что я не вижу ничего странного и необычного, если и перемещения во времени когда-нибудь станут обыденной реальностью.

– Bravo! – мужчина несколько раз негромко поаплодировал, кисти рук у него были очень странными: коричневыми, морщинистыми, изрезанными многочисленными белыми, длинными и короткими, шрамами. – Вы, Егор Петрович, весьма занятный молодой человек. Вот и в вашей характеристике из воинской части написано: «обладает ярко-выраженным философским складом ума, склонен к сложным логическим построениям, на основании которых может принимать абсолютно авантюрные решения!». Вы, что называется, воистину «наш клиент»!

– Я очень рад за вас! – пессимистически улыбнулся Егор. – Но нельзя ли более подробно узнать о сути вашего предложения?

Координатор внимательно посмотрел ему в глаза.

– Вы в школе изучали биологию? Наблюдали через микроскоп за каплей воды, наполненной разными микробами?

– Было такое дело, наблюдал...

– И острой иглой тыкали в капельку?

Егор задумчиво поморщился:

– Да, вроде. Ещё песчинку помещали в эту каплю, что-то там ещё. Экспериментировали по-разному, так сказать.

– Очень хорошо! – в очередной раз обрадовался Координатор. – Тогда вы должны правильно понять меня. Представьте себе, что наша с вами древняя и прекрасная планета Земля, вместе со всеми её обитателями, это просто обычная «капля воды, наполненная микробами», – под чьим-то микроскопом. Для нас проходят века, для того, кто сидит за микроскопом, – часы, а может даже – и минуты. И этот неизвестный исследователь, а по факту – многочисленные исследователи, упрямо ставят над бедными «микробами» разные опыты!

– Какие... опыты?

– Самые разные. Например, определённому виду бесконечно глупых обезьян делаются инъекции, способствующие активизации работы головного мозга. Стимулируют и катализируют, выражаясь по научному, процесс естественной эволюции. Время от времени доверчивому человечеству подбрасывают коварные «подарки»: колесо, технологию плавки бронзы и железа, счёты, современную демократию, двигатель внутреннего сгорания, динамит, ядерную бомбу, Интернет... Чтобы придать всему исследовательскому процессу требуемую динамику. Параллельно с этим осуществляются сложные и неоднозначные психологические эксперименты, моделируются различные поведенческие ситуации, провоцируются экстремальные процессы...

– Моделируются ситуации, провоцируются экстремальные процессы..., – непонимающе и хмуро проворчал Егор. – А можно поподробнее, уважаемый мистер Координатор?

– Да без вопросов, уважаемый господин Леонов! Допустим, только на минутку, что такие одиозные фигуры, как Александр Македонский, Нерон, Наполеон, Пётр Первый, Емельян Пугачёв, Ленин, Гитлер, Сталин – и многие другие неординарные личности, достаточно серьёзно поменявшие ход развития истории человечества, появились не сами по себе...

– А откуда?

– От верблюда. Их ввели в игру наши «экспериментаторы». Понимаете теперь?

– Нет! – честно признался Егор. – Кто они такие, эти «экспериментаторы»? И чьи интересы тогда представляет ваша спецслужба?

– «Экспериментаторы», как легко догадаться, не являются жителями нашей планеты, – строго и печально произнёс обладатель многозонающих глаз. – А служба, которую я имею честь предоставлять, как раз и отстаивает интересы «капельки воды, наполненной мирными микробами». Человеческой расой, то бишь. Пресекаем, по мере наших скудных сил, наиболее опас-

ные и изощрённые эксперименты. Вот и вам, господин Леонов, мы предлагаем: оказать одну важную услугу – всему человечеству, так сказать, в целом...

Координатор загадочно замолчал, молчал и Егор, пытаясь хоть как-то переварить полученную информацию.

Только минут через пять-шесть он спросил:

– И есть конкретные успехи у вашей славной службы? Много гадких и изощрённых «экспериментов» вам удалось пресечь?

– Много! – глаза мужчины стали жёсткими и холодными. – Например, Третья Мировая Война, с широкомасштабным использованием ядерного оружия, так и не началась. Хотя наши «оппоненты» пытались спровоцировать начало этого события не один десяток раз. Первая попытка была предпринята ещё весной 1944 года, когда Вермахт был оснащён «грязной» атомной бомбой. Только усилия нашей специальной группы позволили предотвратить её применение – ценой серьёзных и невосполнимых потерь.... А ведь это, в свою очередь, могло коренным образом изменить и весь ход Второй Мировой Войны. Не так ли?

– Запросто – могло! – подтвердил Егор. – Только вот – почему именно я вас заинтересовал? Только не говорите, что, мол, из-за моего философского склада ума и врождённой любви к различным авантюрам.... Идиотов всегда в зеркале надо искать...

Его собеседник резко поднялась со своего стула, отошёл куда-то в сторону.

«Сколько же ему лет?» – подумал Егор. – «Прямая спина, осанка – двадцатилетнего юноши, а морщин на лице и шее – как будто ему уже далеко за восемьдесят...».

Координатор ловко подкатил элегантную тележку на колёсиках, на которой был укреплен портрет мужчины средних лет: объёмный рыже-оранжевый парик, старинный кафтан, щедро украшенный красно-зелёными самоцветами и пышными сиреневыми кружевами, на боку – длинная шпага в позолочённых ножнах.

– Вам никого не напоминает сей важный вельможа?

Егор внимательно всмотрелся, ответил – совсем даже неуверенно:

– Пожалуй, этот господин очень похож на меня.... Или – я на него? Только здесь ему лет тридцать пять, да и этот дурацкий кудрявый парик.... А так – да, есть очень даже много общего. Кто это такой?

– Это – Светлейший Князь Меншиков Александр Данилович! – непонятно чему скупой улыбнулся собеседник. – Должен вам сообщить, что вы, Егор Петрович, его прямой потомок – по материнской линии: ваши генетические характеристики совпадают самым поразительным образом с аналогичными характеристиками Светлейшего...

– А что дальше? Чем я могу быть вам полезен?

Обладатель кистей рук, покрытых многочисленными белыми шрамами, неторопливо прошёлся по комнате – туда сюда, остановился напротив Егора, рядом с портретом величественного вельможи.

– Проект «Пётр Первый» был, естественно, спланирован и осуществлён нашими инопланетными «исследователями». Как и что? Детали сейчас совершенно неважны, не забивайте себе голову лишним хламом. Несколько слов по сути этого проекта. В конце семнадцатого века Россия отставала, по целому комплексу самых различных показателей, от стран Западной Европы. Лет на двести – двести пятьдесят. Планировалось выяснить: может ли один сильный человек, облачённый практически безграничной властью, кардинально, в очень короткий исторический период времени, изменить данную негативную ситуацию? Чем завершился этот «эксперимент» вы, безусловно, знаете...

– Очень успешно завершился! – уверенно кивнул головой Егор. – Что же дальше?

– По сведениям, поступившим по нашим секретным каналам, стало известно, что наши «учёные» разрабатывают следующий проект – абсолютно логическое завершение первого.... Они хотят понять, как крутое изменение в *Прошлом* – путём искусственного вмешательства,

может изменить *Настоящее*. Это первый эксперимент такого рода. Понимаете – первый! И для нас, и для «экспериментаторов. Следовательно, существует очень много неясностей. ... По ряду критериев была выбрана именно Петровская эпоха. Задумано следующее: в самый разгар реформ, или даже – в самом их начале, Пётр неожиданно погибает. Что происходит при этом с Россией, как с государством? Какой путь развития выберет русская элита того времени? В каком состоянии Россия, в этом раскладе, подойдёт к рубежу двадцатого века? Сохранится ли, как единое и великое государство, или распадётся – на десяток-другой мелких? Бесспорно, вопросы очень интересные. ...

– Действительно, интересные, – подтвердил Егор.

Координатор нахмурился:

– Не перебивайте сейчас меня, пожалуйста, господин Леонов! Мы подходим к вашему заданию, к вашей миссии – высокопарно выражаясь. С точки зрения моего руководства, такой эксперимент с Прошлым – абсолютно недопустим: его последствия могут быть непоправимы – как для государства российского, так и для всей планеты в целом. Вся «капелька с микро-бами» может погибнуть, испариться, исчезнуть навсегда. ... Принято однозначное решение – «закрепить» за Петром Романовым опытного телохранителя из Настоящего.

– Есть многие тысячи телохранителей гораздо более опытных, чем я, – скромно доложил Егор. – Я в этом деле, если совсем честно, полный дилетант. Так, по верхам нахватал всякого. ...

Координатор согласно кивнул головой:

– Да, это так. Ваша профессиональная подготовка очень далека от истинного совершенства. Но, всё же, некоторые навыки у вас есть, что очень хорошо. Да и задатки неплохого артиста у вас на лицо, что, безусловно, важно. ... А вот со временем у нас всё очень плохо, надо торопиться. Существуют такие термины, как «окна в Прошлое», «временные петли». ... Впрочем, не стоит вас загружать такой специфической информацией. Тем более что и мы сами о многом только догадываемся. ... Дело осложняется тем, что напрямую послать «агента» в Прошлое невозможно. Можно только осуществить «подмену», «замену». ... Причём «заменяемые» объекты должны непременно быть родственниками, обладать похожими генетическими характеристиками. Теперь – понимаете?

– То есть я отправляюсь в семнадцатый век – старательно охранять и оберегать царя Петра, а мой генетический прашур – сюда?

– Совершенно верно. Кстати, Александр Данилович Меньшиков – личность, бесспорно, неординарная. Мы и в наше время найдём для него достойное и серьёзное занятие. Кроме всего прочего, о том, что «замена» пройдёт успешно, говорит и следующий факт: вы со Светлейшим даже родились в один и тот же календарный день¹! Перенестись вам придётся в июль 1687 года, за один день до знакомства настоящего Алексашки Меньшикова – с царём Петром. Вы, конечно же, сейчас немного старше (если так можно выразиться), вашего заменяемого прашура, но это ничего, выпьете соответствующую микстуру, скинете внешне года три-четыре. ...

– Стоп, стоп! – повысил голос Егор. – Я ещё не давал своего согласия! С чего это вы взяли, что я всю свою оставшуюся жизнь хочу провести «в шкуре» Светлейшего? Тем более что я прекрасно знаю, чем Меньшиков закончил, знаю, как он умирал в ссылке! Читал когда-то в книжке Пикуля – про времена Анны Иоанновны кровавой, что очень обожала жирную буженину. ...

– Не кипятитесь вы так, молодой человек! – устало поморщился Координатор. – Мы предлагаем вам заключить контракт всего то на пять лет, самых спокойных лет в настоящей биографии вашего славного пра-пра-пра-прадеда.

– Только на пять лет? А что же дальше будет с Петром? – забеспокоился Егор.

---

¹ дата рождения А.Д. Меньшикова точно не известна, существует несколько версий, ни одна из которых не признана однозначно достоверной.

– Вы не единственный прямой потомок Светлейшего – подходящего возраста. Только все остальные пока – порядочные шалопаи, безо всяких полезных навыков.... За пять лет мы подготовим вам достойную замену, многократно превосходящую вас по всем профессиональным и функциональным возможностям. А может, и настоящего Меньшикова вернём на прежнее место, если это будет признано целесообразным. После соответствующей и вдумчивой подготовки, конечно же. Пять лет – очень даже большой срок, за это время можно воспитать настоящего Джеймса Бонда.... Но столько ждать мы не можем. Время – очень странная и хрупкая штука. Надо начать данную операцию *раньше* наших «экспериментаторов» – *в современном, сиюминутном понимании*.... Нельзя обогнать своего противника *в Прошлом*, задействовав *Будущее*, которого, между нами говоря, может и не быть.... Теперь по вам лично. Здесь всё просто: уехали в страны Карибского бассейна, и пропали там без вести. А через пять лет вернулись в Санкт-Петербург – очень богатым человеком. Как граф Монтекристо, в своё время.... Например, обнаружили на одном тропическом острове клад знаменитого капитана Флинта. Как вам такая версия? Не волнуйтесь, все необходимые бумаги будут оформлены должным образом, налоги – скрупулёзно выплачены.... Впрочем, вы будите первым из людей, кто вернётся из *Прошлого* в *Настоящее*, так что детали будем уточнять, что называется, в рабочем порядке....

– Не хочу – обратно в Питер! – упрямо заявил Егор.

– Вы прямо как ребёнок! – сотрудник неизвестной международной спецслужбы недовольно и осуждающе покачал головой. – Хорошо, мы купим, персонально для вас, небольшой, но очень уютный и удобный островок в Карибском море, где-нибудь в архипелаге Тринидад и Тобаго. Устраивает? Островок с современным коттеджем, с закрытой и тщательно оборудованной бухтой, отличным садом, ухоженными цветниками, в придачу – двухмачтовая красавица-яхта.... Ну, и на ваши банковские счета поместим миллионов сорок долларов. Как же иначе? Содержание частного острова – дело накладное.... Да что вы так глупо и недоверчиво улыбаетесь?

– А где гарантии? – набылчился Егор. – Когда меня отправляли в Ливию.... Извините, в одну очень странную и беспокойную южную страну, мне тоже много чего обещали.... Нет, не частные острова и миллионы баксов. Просто – солидные ежемесячные деньги и однокомнатную квартиру в Питере....

– Неужто – обманули? – притворно охнул Координатор.

– Обманули! – хмуро подтвердил Егор. – Живых денег – после всех вычетов, штрафов и налогов, раза в два меньше вышло, чем я предполагал. А квартира обещанная оказалась совсем и не в Питере, а в Колтушах – даже и не в пригороде, а, вообще, в Ленинградской области. Да и дом тот, где эта клетушка, только строится ещё! А вы говорите – частный остров, яхта, сорок миллионов.... Как-то и не верится!

Координатор, как показалось, нисколько и не обиделся. Наоборот, улыбнулся так – насквозь понимающе и где-то даже удовлетворённо, и неожиданно заявил:

– Знаете, уважаемый Егор Петрович, я искренне рад, что наш разговор принял такое направление – коммерческое и меркантильное. Не верю я всем этим бесеребряникам и записным романтикам. Не верю! И никогда – не верил. Сегодня его деньги не интересуют, а завтра, когда изменилась ситуация, он без них уже и жить не может.... Нет уж, мне по нраву работать с людьми взрослыми, знающими, что они ждут от этой жизни.... Итак, вы, Егор Петрович, хотите гарантий? Это – весьма похвально.

– Похвально, блин, непохвально, блин, – недовольно и презрительно процедил сквозь зубы Егор. – Но, будьте так добры – предоставить железобетонные гарантии! Как простейший акт доброй воли, мол: «Хотим, действительно, «капельку с мирными микробами» – уберечь от страшных и непоправимых бед»....

– Без вопросов, господин Егоров! Насколько мне известно, контракт ливийский вы подписывали – только с российской стороной, но оплата по нему предусматривалась двойная: половинная её часть (рубли), на соответствующие счёта в Государственном казначействе, другую половину платили французы – в Евро. На счета, открытые в любых банках мира, кроме французских. Обычная практика европейская, мон шер! Деньги за дела скользкие принято прятать тщательно.... Не так ли?

– Я то здесь причём? – поморщился Егор. – Там при нас генерал был важный. Он и советовал – чего, как и где. Ко мне лично – какие претензии? Мы солдаты, а Устав – не портянка заскорузлая....

Координатор улыбнулся – ещё шире:

– Никто с этой мудрой и вечной сентенцией – и не спорит, господин Егоров! Я же вам говорю совсем про другое.... Вы, мон шер, – по совету вашего мудрого генерала, под Евро открыли два расчётных счёта: один – в скромном швейцарском банке, другой – в не менее скромном, люксембургском. Но, не в этом дело. Вы, любезный, при наличии Интернета, можете проверить состояние своих счетов?

– Могу, конечно! – подтвердил Егор. – А при наличии телефонной связи – могу и перепроверить! Только денег там и не густо совсем, тысяч по пять с хвостиком – на каждом...

Координатор нажал на красную кнопку в стене, и обратился к незамедлительно появившемуся в дверях «халдею»: – Томас, первым делом – освободите нашего нового сотрудника от этих неэстетичных пут, предложите ему что-нибудь выпить, перекусить, прочее.... Вторым делом – предоставьте ему нормальный, «быстрый» Интернет и полноценную международную телефонную связь (только для разговоров с банками!), газеты там всякие.... В завершении всего – подготовьте стандартный пятилетний контракт. Далее...

На швейцарском и люксембургском счетах Егора обнаружилось по двадцать неожиданных миллионов Евро. Причём эти деньги были оформлены в виде безотзывных банковских аккредитивов, которые должны были раскрыться (стать доступными), только через пять лет, не ранее.

Говоря по-простому, Егор смог бы самостоятельно распоряжаться этими суммами только через пять полновесных лет, и только при предоставлении строго определённых документов, оформленных должным образом.... Тем не менее, оба первоклассных европейских банка однозначно подтвердили серьёзность возможных финансовых преференций...

Через четыре часа контракт был успешно подписан. Причём три часа из четырёх, ушло на выбор конкретного островка – по многочисленным видео и печатным типографским материалам.... Само подписание произошло уже совсем в другом помещении, оборудованном под библиотеку – в викторианском классическом стиле...

– Что у нас дальше? – негромко поинтересовался Егор, почтительно замерев рядом с элегантным журнальным столиком, почему-то в присутствии Координатора ему постоянно хотелось принять положение «смирно».

– «Перенос» будет осуществлён только через две с половиной недели. За это время вам придётся ознакомиться с некоторыми материалами, – Координатор властно махнул рукой в сторону письменного стола, над столешницей которого возвышалась целая бумажная гора, состоящая из толстых и тонких книг – в основном антикварного вида, современных скоросшивателей и кожаных старинных папок.

– Ничего себе! – расстроено присвистнул Егор. – Да мне этого и за полгода не прочесть!

– И за отведённое время справитесь! – строго заверил его пожилой седовласый сотрудник спецслужбы, которая в контракте была обозначена как «Сторона SV». – Томас Самуилович вам непременно поможет. Он у нас доктор исторических наук, академик и всё такое прочее. Специализируется именно на Петровской эпохе.... Вы должны прибыть к месту новой службы во всеоружии: зная досконально всё о быте и нравах тех времён. Речевые характеристики данной

эпохи должны быть освоены вами в совершенстве. Необходимо существенно пополнить и расширить словарный запас. А местами, наоборот, жёстко ужать! Забыть о современном сленге, особенно – молодёжном.... Прошу уделить повышенное внимание информации, связанной с тогдашними обитателями Немецкой слободы, лично – с Францем Лефортом. Война с Турцией – тоже очень важная тема.... Времени у вас мало, так что – приступайте!

– Что, прямо сейчас?

– Прямо сейчас!

Следующей раз Егор встретился со «стальным человеком», как он называл про себя Координатора, только через полторы недели. Координатор вошёл в библиотеку стремительной походкой, коротко поздоровался, скупой улыбнулся:

– А вы, молодой человек, сильно изменились за это время: похудели, осунулись, даже – немного повзрослели. Глаза серьёзными такими стали, вдумчивыми, усталыми.... Что, так тяжело усваивается информация?

– Не в этом дело, – тяжело вздохнул Егор. – Просто мои представления о Петровской эпохе были несколько иными. Роман Алексея Толстого, разные современные фильмы, «Россия – молодая», например.... Казалось: времена как времена, немного архаичные, ужасно героические. Но, всё же, немного похожие на наши.... А это – колоссальная ошибка! Совсем ничего похожего и нет.... Нравы там – не приведи Господь! Зверство сплошное! Скотство, ни чем неприкрытое!

– Что, господин Леонов, страшно?

– Очень страшно! – честно признался Егор. – Но, и интересно! Особенно про штурм Азовской крепости, про взаимоотношения с Османской империей. Я, всё же, военный, моя тема, как-никак...

Координатор неторопливо полистал старинный фолиант в кожаном переплёте, подошёл к двери, уверенно поманил Егора за собой:

– На несколько суток придётся прервать ваши книжные экзерсисы. Как известно, Меншиков начинал свою головокружительную карьеру с того, что был мальчиком на побегушках при Франце Лефорте. А это совсем не так просто, как вам кажется! Необходимо уметь седлать лошадей – и скаковых, и каретных, правильно ухаживать за ними, запрягать в повозку. Надо знать, как правильно расчёсывать господский дорожный парик, как начищать туфли до зеркального блеска, выбивать и чистить курительные трубки.... Кроме того, точно установлено, что в молодости Александр Данилович, тогда для всех – просто Алексашка, лихо отплясывал русские народные танцы, умел хорошо играть на ложках, дуть в берестяные трубицы. Так что вам придётся всему этому научиться – в самые кратчайшие сроки, поедете на нашу загородную базу. Там и микстуру примите «омолаживающую»...

До «переноса» оставалось минут пятнадцать-двадцать.

– Запомни самое главное, Алексашка! – давал свои последние, очень чёткие наставления, Координатор. – Франц Лефорт – это твой главный помощник, но он же и главная опасность. Только через него ты можешь познакомиться с Петром Алексеевичем Романовым, будущим Императором России, но Лефорт – человек очень умный и наблюдательный, он может легко распознать подмену. Общайся с ним как можно реже. Есть у вас, Егор Петрович, вопросы ко мне?

– Два вопроса, – кивнул головой Егор, – Во-первых, по поводу влияния изменений в Прошлом – на Настоящее. Вы же понимаете, что мне не удастся полностью повторить все поступки Александра Даниловича.... Вольно или невольно, но я окажу влияние *на ход Истории*. Например, мне как телохранителю Петра, *придётся убить* энное количество людей, которых настоящий Меншиков *не убивал*. Это же повлияет на *Настоящее*?

– Бесспорно – *повлияет!* – подтвердил его опасения Координатор. – Но мы вынуждены смириться с этими *издержками*.

– *С издержками?*

– Вот именно! *По сравнению с историческими изменениями, которые могут наступить после ранней смерти Петра, это сущие мелочи, которыми можно спокойно пренебречь...* – Вам, конечно, виднее, – пожал плечами Егор.

– А второй вопрос?

– Вы ничего не рассказывали мне о механизме «замещения». В чём он заключается?

– Тут всё просто, – совершенно спокойно ответил Координатор. – В строго определённое время вам сделают совершенно безболезненную инъекцию, вы мгновенно уснёте, проснётесь уже в нужном 1687 году. Как видите, всё очень элементарно и безопасно...

Егор недоверчиво прищурился:

– Что-то вы определённо не договариваете, дорогой господин начальник.... В чём тут, спрашивается, подвох?

Голубые – в красных прожилках, всезнающие глаза пожилого мужчины смотрели на Егора очень строго, недоверчиво и испытующе.

– Всё дело в том, что одновременно (если так можно выразиться), точно такая же инъекция будет сделана и настоящему – Александру Даниловичу Меньшикову.

– Кто же эту инъекцию сделает? – заинтересованно спросил Егор. – У вас там есть ещё один – «агент»?

– Да, есть. Он был «замещён» ещё три с половиной года назад, но по гораздо более сложной и главное – по гораздо более болезненной и рискованной схеме. Так что вам ещё повезло, молодой человек...

Предчувствуя некий подвох, Егор нахмурился:

– Как зовут моего напарника? Или, быть может, напарницу?

– Извините, но не могу назвать! – Координатор резко и демонстративно отвернулся в сторону. – Этот человек, безусловно, будет вас поддерживать и страховать. Но у него, или, допустим – у неё, есть и своё, очень конкретное задание.

– Какое?

– Если вы попытаетесь активно и целенаправленно менять Прошлое (вдруг, на вас найдёт такая вредная блажь?), то этот «агент» обязан уничтожить вас. Однозначно и безжалостно...

– Очень мило! – обиженно надулся Егор.

– Да ладно вам! Вы же – взрослый человек, должны прекрасно понимать, что в таких серьёзных делах без тщательной подстраховки нельзя, не полагается...

До нужного времени оставалась одна минута.

Егор, одетый только в узкие льняные штаны-ногoviцы – по моде конца семнадцатого века, сидел на старинном музейном табурете посередине маленькой квадратной комнаты, скупо освещённой двумя жёлтыми электрическими лампочками, которые регулярно мигали через каждые три секунды. За его спиной стоял противный Томас Самуилович со шприцом наготове

– Семь, шесть, пять, четыре..., – неторопливо отсчитывал хриплый нудный голос, свет окончательно погас, полная чернота заполнила собой всё. – Четыре, три, два, один. Всё – пора!

Нестерпимо острая боль в темечке, абсолютная тишина...

Глава вторая

Первые шаги по Прошлому

Егор летел с огромной скоростью по узкому чёрному туннелю. Где-то – в самом конце туннеля, чуть виднелось, вернее, только угадывалось, крохотное белое пятнышко. Пятно неуклонно приближалось, расширялось, из него, словно щупальца спрута, вылетали разноцветные спирали, крепко опутывали Егора, пеленая в плотный радужный кокон...

– Господи, страшно то как! Господи!!! Когда же это закончится? Когда???

Всё закончилось неожиданно и сразу.

Тишина, только где-то на втором плане слышалась бодрая барабанная дробь.

Словно юный пионер-тимуровец наяривал упрямо зорьку пионерскую...

Он вслушался: никакая это не барабанная дробь, а просто стук его собственного, неожиданно трусливого, сердца!

«Следовательно – что?», – строго спросил внутренний голос, с которым Егор полюбил общаться за время своей недавней службы в одном неприметном военном поселении на ливийско-алжирской границе, и тут же сам уверенно ответил: – «Следовательно, мы живы с тобой, дурилка картонная! В попу тебе, да и всем остальным, живущим на этой несимпатичной планете – по огурцу пупырчатому, перезрелому! Следовательно – ура!»...

Егор открыл глаза – крошечная комната: три с половиной метра на два с половиной, в одном торце виднелась дверь, небрежно сколоченная из плохо струганных досок, в другом – маленькое окошко. Судя по скудным солнечным лучам, с трудом пробивающимся через мутное стекло, было раннее утро. Почему утро, а не вечер? Да потому, что солнечные лучи были светло-жёлтыми, откровенно – утренними такими...

А вот запах был совершенно незнакомым, ни то, чтобы очень противным и гадким, но определённо странным: одновременно пахло заброшенной деревней, свежими деревянными стружками, вчерашней баней и грязным постельным бельём, пролежавшим в барабане стиральной машины ни одну полновесную неделю.

Постельного белья, впрочем, и вовсе не наблюдалось, Егор лежал на толстой войлочной подстилке, под головой располагалась войлочная же скатка, покрытая льняной, не очень то и чистой тряпкой.

Под правой коленкой неожиданно сильно зачесалось, Егор ощутил сильный укус, пальцами нашупал неизвестное коварное насекомое, раздавил, но каморке распространился характерный коньячный запах.

– Вот же чёрт! – ругнулся Егор сквозь зубы. – Надо срочно найти воды и умыться!

Но выполнить это пожелание незамедлительно он не мог: необходимо было строго соблюдать инструкции, касавшиеся его первых минут пребывания в *Прошлом*.

Егор осторожно спустил босые ноги на гладкий, умиротворяюще прохладный деревянный пол. В свете тусклых солнечных лучей выяснилось, что он сидит на некоем подобии нар, покрытых войлоком, называется – «кошма», вспомнилось. В полутора метрах от нар к стене была прибита короткая и широкая доска (словно столик – в купе железнодорожного вагона), возле дверей к стене крепилась ещё одна, но уже более узкая доска, по обе стороны от оконного проёма на железных костылях висела какая-то нехитрая одежда. Он встал и тут же чуть не споткнулся о кожаные сапоги (как выяснилось позже – о низкие, и где-то даже – элегантные, полусапожки бордовой кожи, щедро обитые мелкими медными бляшками), ругнувшись, прошёл к узкой полке, висевшей рядом с дверью.

Инструкция не обманула: на полочке обнаружился массивный бронзовый подсвечник с десятисантиметровым огрызком свечи, кремневое кресало, огрызок трута. Егор, как учили, покрутил колёсико кресала, подул на искры, падающие на трут, родился крохотный язычок пламени. Зажёг свечу, поплевал на пальцы, аккуратно затушил кончик трута, осмотрелся.

Широкий столик оказался плотно завален самыми разными вещами.

Тяжёлый серебряный нательный крест на красном льняном шнурке Егор сразу же повесил себе на шею. Туда же последовал и бронзовый ключ – на хилой медной цепочке, покрытой местами тонким слоем зеленоватой патины. Ослабив завязки на кожаном мешочке-кошельке, он высыпал себе на ладонь десятка два монет: полушки, копейки, алтыны, несколько серебряных.

«Рубля четыре с половиной будет», – прикинул Егор на глазок. – «Не густо. Хотя – это как посмотреть. На эти деньги *сегодня* можно купить небольшое стадо баранов, или даже – дойную корову с хорошей тёлкой в придачу...».

Он засыпал монеты обратно, отложил кошель на кошму, взял в руки посеребрённую коробочку.

«Элементарная блохоловка!» – предупредительно подсказал опытный внутренний голос. – «Абсолютно ничего хитрого!»

Словно подтверждая правильность этого предположения, с мочки левого уха на шею сполз кто-то очень маленький, стало нестерпимо щекотно.

– Чтёб тебя! – Егор сильно хлопнул по шее ладонью. – А с элементарной гигиеной, ребята, тут у вас совсем и не важно...

Ещё на столике обнаружилось множество стеклянных и керамических флакончиков.

Егор наугад открыл один из них, поднёс к носу. Пахло свежим огурцом.

«Огуречный лосьон после бритья!», – обрадовался внутренний голос. – «А вон и опасная бритва!».

Егор взял в руки опасную бритву (на деревянной ручке, нескладную, лезвие было спрятано в кожаный чехольчик) повертел в руках, ухмыльнулся, положил на место.

Понюхал содержимое ещё нескольких флаконов, один из запахов показался знакомым – натуральный «Тройной» одеколон. Тщательно протёр «одеколоном» шею, прижёл укушенную клопом ногу под коленкой. Открыл ещё одну плоскую коробочку, наполненную белым порошком, ткнул пальцем, лизнул, порошок оказался самым обыкновенным мелом. Рядом с коробочкой лежала длинная дубовая палочка с разлохмаченным концом.

«Вопрос с гигиеной полости рта выяснили – уже хорошо!» – подумал Егор. – «Хотя, с этим-то и непонятно: согласно всей прочитанной литературе, русские простолюдины – в это время, к своим зубам относились безо всякого почтения. С другой стороны, я сейчас нахожусь в посёлке немецких и голландских поселенцев – под названием Кукуй. Могли эти переселенцы и научить моего предшественника – всяким полезным вещам, с них станется. Да и флакончики эти – больно уж их много, не иначе Алексашка тырил их у всех иностранцев подряд, безо всякого почтения и смысла...

Осмотр других вещей он отложил «на потом», так как неожиданно захотелось по малой нужде, подошёл к костылям, вбитым в стены по обеим сторонам от оконного проёма, осторожно – стараясь ничего ненароком не повредить, снял с них одежду, бросил на кошму, начал внимательно рассматривать – одну вещь за другой. Определившись, начал одеваться.

Егор надел на ноги широкие холщовые штаны: длинные, светло-коричневые, расшитые красными нитками – широкими вертикальными полосами. Завязал пояс, продёрнутый через добрый десяток аккуратных дырочек, несколько раз подпрыгнул на месте, проверяя удобство этой детали туалета.

«Нормально, могло быть и хуже!», – решил он для себя, а на мускулистый торс набросил широкую палевую рубаху, щедро расшитую мелким цветным бисером (концертная придумка герра Лефорта), две верхние пуговицы – по наитию, оставил расстегнутыми.

С обувкой получилось несколько сложней.

Под узкой полочкой, в правом углу, обнаружилась целая горка заскорузлых матерчатых квадратов и прямоугольников – ситцевых, холщовых, льняных и даже – бархатных.

– И что тут – онучи, а что – портянки? – пафосно, но, одновременно, и очень тихо, вопрошал Егор, торопливо роаясь в тряпичной куче.

Через некоторое время выяснилось, что квадратные куски материи – это портянки, они полностью заправляются в сапоги. А онучи – они имеют двойное предназначение: первое – сделать встречу «ступня – сапог» максимально комфортной, второе – плотно обмотать штанину, предотвращая её выползание из сапога – в самый неподходящий момент. Да и вообще, мягкие они такие, приятные для кожи.... Ладно, намотал онучи, аккуратно заправил в них концы своих холщовых штанов.

Что там у нас непосредственно с обувью?

Обуви – при внимательном осмотре, обнаружилось целых шесть пар: кожаные стильные полусапожки, две пары жёстких (явно – сильно ношенных) иностранных туфель на высоких каблуках, две пары практически новых лаптей, от которых остро пахло свежей древесной стружкой, и пара очень низко обрезанных серых валенок.

Туфли Егору не приглянулись: сразу было видно, что их до него носило множество людей. Крутой «секонд хэнд», одним словом. Да и лыковые лапти – явно не совпадали со статусом зарубежного посёлка Кукуй. Надел бордовые полусапожки, притопнул пару раз, – просто чудо: обувка сидела на ногах – как влитая, что было, безусловно, странным...

Непонимающе пожав плечами, он подошёл к маленькому оконцу, попытался высмотреть – что там делается снаружи. Всё было спокойно и благодно: жёлто-розовое солнышко медленно восходило на востоке, стыдливо выставив над линией горизонта свою – дай Бог, десятую часть, не более. В видимой части двора также не наблюдалось ничего сверх ординарного: несколько заспанных простоволосых девок, босых, одетых в серые суконные рубахи, длинными хворостинами выгоняли за красивые, широко распахнутые ворота, небольшое коровье стадо. Пять пятнистых и рогатых коров, три крепкие тёлки, с десятков голенастых телят.

Дружно повздыхав – о чём-то неопределённом, девки отошли в сторону и стали полностью невидимыми...

Уяснив, что так другой полезной информации не добыть, Егор решил выйти в Мир, да и переполненный мочевой пузырь давал о себе знать. Он подошёл к двери, отодвинул два массивных засова, толкнул легонько – нет, дверь не поддавалась.

Снаружи раздались неясные звуки: кто-то довольно и ехидно хмыкнул, послышалось какое-то чирканье, звук удаляющихся шагов, из-под двери плотоядно заструились тоненькие спирали желтоватого и очень вонючего дыма.

«Хренова-то оно как-то», – подумал Егор и сильно закашлялся.

Дождавшись, когда приступ кашля пройдёт, он снял с шеи медную цепочку с бронзовым ключом, засунул ключ в замочную скважину, повернул. Нет, чем-то подпёртая снаружи дверь даже не шелохнулась, дыма становилось всё больше...

Закрывая нос рукавом рубахи, Егор отошёл к противоположной стенке, прыгнул вперёд, ударил в дверь плечом. Ещё раз, ещё. Было больно, лёгкие буквально «горели». Удар, ещё один, ещё.... Только с двенадцатой попытки дверь распахнулась, слетев с верхних петель.

Егор вышел из своего жилья, набрал в лёгкие – полной грудью свежего воздуха: был обычный русский рассвет, уже даже – «зароссветье», часов шесть утра. Где-то далеко печально мычало кукуйское стадо, уходящее в русские поля...

Домик горел сразу в двух местах: лениво дымился правый северный угол, да низ досчатой двери, видимо, щедро облитый каким-то хитрым составом, пылал достаточно бодро и весело.

Заскочив обратно в помещение, Егор схватил первую подвернувшуюся под руку дерюжку, выбежал обратно, в течение трёх минут оперативно затушил оба источника возгорания.

Вокруг было тихо, ни души.

– Ничего себе – встреча! – возмутился в полголоса Егор. – Только что прибыл, а кто-то уже сжечь хотел, спалить заживо! И почему это никто дыма не заметил, не поднял тревоги?

«Совсем не обязательно, что это именно меня хотели отправить на тот свет», – подумалось. – «Может, это настоящий Александр Данилович здесь кому-то насолил знатно. Ладно, разберёмся...».

Он с трудом повесил тяжёлую дверь обратно на петли, защёлкнул замок с помощью бронзового ключа, отошёл на несколько метров в сторону. Выяснилось, что его каморка являлась половинкой маленького домика под плоской крышей, с двумя одинаковыми входными дверями по бокам.

«Интересно, а кто у нас сосед?», – озаботился Егор. – «Надо будет как-то прояснить...».

Просторный ухоженный двор, с южной стороны – симпатичный кирпичный домик, практически – коттедж. Далее поляна – сплошной газон, зелёный и нежный. Со всех сторон – на приличном расстоянии, у низенького забора, располагались самые различные строения: низенький амбар, скотный двор, сарай, русская баня, сенник, конюшня, пара треугольных погребов, колодец-журавль...

«Неплохой у Лефорта земельный участок», – отметил Егор. – «Гектара полтора будет, а то и все два...».

На встречу ему выскочила, радостно лая, низенькая и смешная собачка – сплошные уши. Собачка не верещала, не пласталась, она просто рассказывала о том, что она очень рада этому светлому утру, этому скромному рассвету...

Егор, ласково почесав собачонку за развесистыми ушами, не мешкая, пошёл к дворовым постройкам, надеясь обнаружить там нужник. Ага, вон пожилой мужик в потёртом кафтане и в смешном войлочном колпаке на голове, держа в руках несколько зелёных листьев лопуха, вошёл в небольшой деревянный сарайчик, стоящий на отшибе. Через минуту-другую туда же попытался пройти молоденький парнишка в длинной холщовой рубаше, подпоясанной красным кушаком. Выяснив, что дверь заперта изнутри, паренёк недовольно сплюнул в сторону и справил малую нужду прямо на угол сарайчика.

Не долго думая, Егор последовал примеру мальчика, отойдя за ближайший амбар.

Что ж, теперь можно было заняться и серьёзными делами.

Егор пошёл на неясные голоса, раздававшиеся со стороны конюшни. Повернул за угол, там три мужика разного возраста окружили крохотного гнедого жеребёнка, о чём-то оживлённо споря.

– Данилыч, соседка! Утро доброе! – радостно приветствовал Егора высокий кряжистый тип в кузнечном фартуке на груди и животе, заросший чёрной курчавой бородой такое впечатление – по самые глаза. – У тебя же батяня – знатный лошадишник! Вот, рассуди ты наш спор. Я говорю, что этот стригунок в бабках слабоват, да и дёсны у него желтоватые и рыхлые... Продавать его надо срочно, пока не отбросил копыта. Вот и Вьюга согласен со мной. А Васька балаболит, – ткнул корявым пальцем в худосочного юнца, лицо которого было щедро покрыто россыпью крупных алых прыщей, – мол, добрый конь получится из этого уродца. Вот рассуди ты нас, друг сердечный!

– Доброе утро, воистину – доброе! – важно провозгласил Егор, внимательно рассматривая лица спорщиков.

«Судя по тому, что кузнец обратился по отчеству, я здесь, определённо, в авторитете!», – решил про себя Егор. – «Поэтому и вести себя надо соответственно. Ну и лица у них: мальчишка весь в прыщах, у кузнеца физиономия разукрашена какими-то ямками и угрями, старик Выюга и вовсе – одни сплошные оспины и родимые пятна. Видимо, совсем здесь плохо с косметическими препаратами...».

Егор неторопливо обошёл вокруг жеребёнка, присел, с видом знатока ощупал его ноги, нежно пальцем погладил по ноздрям, осторожно помял верхнюю губу, веско высказал своё мнение:

– Ты, Васенька, завсегда слушай старших. Они много чего видали – по этой жизни. Никуда не годится этот коняшка-стригунок! Совсем слабый и хилый, чисто первый комар – по ранней весне...

– Ну, Данилыч, ты горазд по-умному говорить! Иногда так завернёшь, хоть стой, хоть падай! – восхитился кузнец. – Только ты лучше здесь не ходи, хоронись, поближе жмись к господскому дому...

– Что так? – нарочито небрежно поинтересовался Егор.

– А то сам не знаешь?

– Не, ни сном, ни духом. Вот те крест!

– Да Фома тебя, Санюшка, ищет. Прибить грозитя, бугай здоровый, – проинформировал рябой старик Выюга. – Кто-то ему донёс, что ты его дочку Марфутку.... Ну, того самого, сам знаешь, чего...

– Врут всё! – искренне возмутился Егор. – Наговор сплошной! Домогалась эта дура меня, врать не буду. Но отказал я ей, не нравятся мне такие глупые бабы. Где сам Фома то сейчас?

– У себя, где ж ему быть ещё! – прыщавый Василий махнул рукой в сторону сенника. – Мастерит чегой-то.

– Покедова вам, люди добрые! – кивнул головой Егор и бодро зашагал в сторону высокого сарая, где складировали сено на зиму.

– Санюшка, ты уж там сторожись, не лезь сразу на рожон то! – долетел обеспокоенный голос Выюги.

У распахнутых настежь дверей сенника, на массивной деревянной колоде сидел здоровенный детина средних лет, сноровисто насаживал на новое осиновое древко железные грабли. Большой такой дяденька – семь на восемь, восемь на семь, конкретный. Шикарная русая борода, пудовые кулачища, маленькие злобные глаза-щёлочки.

– Искали меня, дяденька? – вежливо спросил Егор, остановившись в семи шагах. – Так вот он я, пришёл сам!

– Иди ты! – вскинув голову, от души изумился Фома. – Сам пришёл? И не сгорел в огне? Сейчас я тебя казнить буду! Помирать будешь – в муках страшных!

– Ничего не получить у тебя, боров грязный! – спокойно сообщил русобородому детине Егор.

– Почему это?

– По кочану это...

Фома резко вскочил на ноги, выпрямился во весь свой двухметровый рост, ткнул в сторону наглеца граблями, целя в лицо.

Егор ловко перехватил сельскохозяйственный инструмент за древко, вырвал из рук Фомы, отшвырнул далеко в сторону.

– Ну, а что дальше?

– Ты так-то? – взревел басом здоровяк и двинулся на ловчака, закатывая рукава своей льняной рубашки, расшитой весёлыми красными и зелёными котятками.

Уловим краем глаза, что к сеннику целенаправленно стягиваются любопытствующие, Егор несколько раз качнулся влево вправо, и, дождавшись, когда противник широко, от всей русской души, размахнётся своей правой рукой, ударил левым крюком Фому в область печени. Тот сразу же согнулся в три погибели, неловко присел на корточки...

Егор примерился, и послал сопернику в ухо хук справа. Бить кулаком, правда, не решился, опасаясь нанести противнику серьёзное повреждение. Ударил открытой ладонью. Звон разлетелся – на всю округу, Фома отлетел метра на два в сторону, упал, покатился по земле, тоненько подвывая и отчаянно матерясь.

– Данилыч, сзади! Берегись! – громко прокричал кузнец.

Егор обернулся, – прямо на него нёсся ещё один двухметровый амбал, украшенный холёной русой бородой, разве что помоложе Фомы – лет на десять-двенадцать.

«Младший брат, наверное», – подумал Егор, ловко принял здоровяка на обычную «мельницу» и, пользуясь инерцией, отправил далеко вперёд. Покувыркавшись по траве, «младший брат» смачно приложился головой о деревянную колоду и затих, по его щеке потекла узенькая струйка крови.

– Убили, убили Федьку-конюха! – громко запричитала простоволосая растрёпанная бабища бомжеватого вида с фиолетовым фингалом под глазом.

– Цыц, ведьма! Умолкни! – гаркнул на бабу Егор, подошёл к неподвижно лежащему конюху, нагнулся, приложил указательный палец к жиле на шее, вслушался, после чего выпрямился и доходчиво объяснил зрителям:

– Живой он! Скоро придёт в себя. Вы ему, убогому, водички полейте на голову... А мне не досуг точить здесь с вами лясы. Прощайтесь, братцы! – упруго зашагал в сторону кирпичного господского дома.

Подойдя к задней стене дома вплотную, Егор обнаружил, что дом был вовсе и не кирпичный – обычный бревенчатый сруб, аккуратно обшитый гладко струганными досками, которые, в свою очередь, были старательно выкрашены «под кирпич».

– Санька! Санька! – надрывался мужской голос с мягким иностранным акцентом. – Где ты, исчадь ада?

– У Алексея Толстого все называли Меньшикова в юности сугубо «Алексахкой», а здесь – кто во что горазд! – недовольно проворчал Егор и громко прокричал:

– Здесь я, бегу уже! – запихал за щеку войлочную полоску, предварительно скатанную в шарик.

По песчаной дорожке он обежал коттедж, оказавшись на стороне парадного входа: круглые и прямоугольные цветочные клумбы, неизвестные, обильно цветущие деревца в кадках, крошечный пруд с золотистыми рыбками, по середине пруда – весёлый звонкий фонтанчик, скамейка-качели под навесом, низенький забор из штакетника, выкрашенного в голубой цвет, высокие двухстворчатые ворота. На резном высоком крыльце – рядом с входной дверью, украшенной цветными стеклянными витражами, стоял худенький мужичка средних лет – в длинном бархатном халате, лысоватый, остроносый, в его правое ухо была вставлена крохотная золотая серёжка – с красным рубином.

– Тебе надоело служить у меня, оглоед? – строго спросил мужичка, и золотая серёга в его ухе гневно задрожала. – Хочешь опять торговать вонючими пирогами? Ночевать под мостом, рядом с повешенными татями?

– Виноват, господин Лефорт, виноват! – слёзно заканючил Егор, тыкая пальцем в свою «распухшую» щёку. – Зубы заболели, проклятые! Всю ночь мучился напролёт, не спал совсем! Флюс вскочил, видите?

– Флюс? – смягчился Лефорт. – Это есть очень плохо! Зачем же терпел? Ты же – не глупый человек! Надо было сразу же идти к доктору Фогелю. Он больных принимает в любое

время, лишь бы платили деньги.... Ладно, сходишь потом. Сейчас одежду мне приготовь. Парик расчеши, начисть туфли. Потом заседлай коня. Пусть сегодня это будет Карий. Как подашь к крыльцу, мне сообщи...

Денщик из Егора был так себе, всего то четыре дня и обучали его этому высокому и непростому искусству. Но справился – в общих чертах, даже нюхательный табак сменил в серебряной табакерке господина Лефорта, по собственной инициативе, добросовестно вычистил две курительные фарфоровые трубки.

Покончив с домашними делами, Егор отправился на конюшню.

Фёдор, голова которого была замотана белой льняной тряпкой, хмуро расчёсывал гриву кауруму голенастому жеребцу.

– Как здоровье драгоценное? – вежливо поинтересовался Егор.

– Да пошёл ты! – отмахнулся Федька.

Егор тяжело вздохнул:

– Да не обижайся ты, чудак, право! Ну, получилось так. Бывает. Скажи лучше, как Карий нынче?

– Сам что ли не видишь? – кивнул Фёдор головой на каурого коня. – Хорошо всё. Его, что ль, седлать велено?

– Его самого.

– Вот и седлай, раз велено! – конюх в сердцах сплюнул себе под ноги и отошёл в сторону, бормоча себе под нос неразборчивые ругательства.

Егор подошёл к жеребцу. Тот недоверчиво покосился на человека злым лиловым глазом, испуганно заржал, гневно всхрапнул, сильно ударил несколько раз подкованными копытами задних ног по доскам стойла.

«Распознал, гад такой, подмену!», – понял Егор. – «Это человека можно обмануть, а с животными – оно гораздо сложнее будет...».

А время поджимало, следовало поторопиться, пока господин Лефорт не разгневался по-настоящему.

– Федь! – позвал Егор. – Запряги вместо меня. А то руки дрожат после вчерашнего, перепил малость...

– Да пошёл ты! – лексикон конюха разнообразием не отличался.

– Не кочевряжься ты, дурик. Я тебе алтын заплачу. Мало? Хорошо, два.

– Сказал нет, значит – нет!

Оттолкнувшись от горизонтальной перекладины, Егор ловко перепрыгнул на другую сторону – относительно конского стойла, одним широким прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от упрямца.

– Ты что удумал, злыдень? – Федька неуверенно потянулся за вилами, прислонёнными к досчатой стене.

Егор несильно ткнул указательным пальцем конюху в солнечное сплетение. Мужик громко охнул и сложился напополам.

– Запрягай, Федя! Седлай, родной! – ласково попросил Егор. – Я очень не люблю – дважды повторять свои скромные просьбы...

Взяв запряжённого и осёдланного коня под уздцы, Егор обернулся к конюху, бросил ему под ноги два медяка.

– Заработал – получи! Я хоть и строгий, но – справедливый!

Он несильно постучал костяшками пальцев в оконное стекло.

– Господин Лефорт, ваш благородный Буцефал подан! Ехать извольте!

Через несколько минут на крыльце появился Франц Лефорт – весь из себя напудренный и на помаженный, в нарядном камзоле, украшенном пышными лиловыми и сиреневыми кру-

жевами, в кудрявом длинном парике благородного пепельного цвета – с отдельными платиновыми прядками.

– Герр Франц, вы – само совершенство! – льстиво заверил хозяина Егор.

– Благодарю, Александр, благодарю! – довольно улыбнулся Лефорт. – Кстати, мой друг, откуда тебе известно про коня Буцефала?

– Бродячий старец третьего дня рассказывал на Варварке, – не моргнув глазом, браво соврал Егор, а про себя подумал: «Осторожней надо быть, не стоит козырять своими знаниями. Ведь Алексашка Меньшиков – юноша пока неграмотный, дремучий...»

Неловко забравшись на жеребца, Франц Лефорт внимательно посмотрел на Егора.

– Если зубы перестали болеть – поешь обязательно. У Лукерьи на кухне сегодня зайчатина и рябчики. Очень вкусно. К полудню сходишь к фройляйн Анхен Монс, она даст тебе одно небольшое поручение, – многозначительно и весело подмигнул. – Она всё расскажет, что надо сделать. А нынче вечером у нас гость, сам русский царь Пётр. Готовься, будешь много плясать, петь песни. Смотри, не напейся раньше времени! О, я смотрю, мои старые сапоги налезли на твои огромные ноги. А ты всё говорил: «Малы, мол, малы!».

– Это я просто с вечера не пил жидкости, вот опухоль и сошла с ног, сапоги и пришлось в пору...

– Ха-ха-ха! – трескуче рассмеялся Лефорт. – Какая смешная шутка. Bravo! Два литра Мозельского – это называется – «ничего не пил с вечера»! Ха-ха-ха!

Закрыв за Лефортом ворота, Егор отправился на поиски кухни, – в животе уже громко и противно урчало.

Приоткрыв входную дверь, он уверенно вошёл внутрь коттеджа, принялся: съестным пахло из правого крыла. Короткий коридор упёрся в запертую тёмную дверь, Егор подёргал за ручку, нетерпеливо постучал.

– Кто там? – спросил за дверью высокий женский голос. – Ты что ли, Алексашка?

– Я, конечно, кто же ещё, открывай!

– Не открою, ты опять будешь приставать, охальник! – непреклонно и чуть дразняще сообщила женщина.

«Вы, мон шер, судя по всему, слывёте здесь записным кобелём, большим любителем женского пола!», – глумливо шепнул внутренний голос.

– Открывай, Луша, открывай! Не буду я приставать к тебе! – пообещал Егор. – Поем и пойду к фройляйн Анхен.

– К Монсике, что ли?

– К ней самой. Так что открывай, не трону! Клянусь всеми Святыми Угодниками!

Только минут через шесть-семь, после усердных уговоров и страшных клятв, дверь широко распахнулась, пропуская Егора на кухню. Узкая и длинная дровяная плита, широкий стол, стеллажи, заставленные жестяными банками, глиняными горшками, берестяными корзинками, холщовыми и льняными мешками и мешочками.

Он сел на низкую деревянную скамью. Лукерья – полная женщина лет тридцати пяти, с добрым конопатым лицом, поставила на стол перед ним две круглые глиняные миски: первая была до самых краёв заполнена жирным сметанным соусом, в котором плавали большие куски тёмного мяса, во второй находились жаренные птички ножки и крылышки. Рядом с мисками стряпуха положила большую деревянную ложку и серебряную двузубую вилку, придвинула дощечку с крупно нарезанными кусками серого хлеба – с ярко выраженным запахом отрубей.

Егор, никуда не торопясь, ел, раздумывая о всяком разном, в первую очередь – о предстоящем вечере. Зайчатина и рябчики были недурны, Лефорт не обманул.

– А попить дашь что? – спросил у поварихи.

– Квасу хочешь? А то господин Франц не велели – тебе давать хмельного...

– Можно и кваса. Почему нет?

– Ладно, – непонятно вздохнула Лукерья, – так и быть, нацēju наливки, Бог с тобой...

Она подошла к большому дубовому бочонку, стоявшему на толстенном берёзовом полене, открыла краник, наполнила на три четверти высокую оловянную кружку, поставила её рядом с хлебной дощечкой, посмотрела на Егора – странно так, тревожно.

– Выпей, что ли! Станный ты какой-то сегодня, на себя не похожий. Всё молчишь, не пристаёшь, не щиплешься.... Заболел никак?

Егор молча пожал плечами, отпил из кружки. Напиток оказался классической вишнёвой наливкой – очень ароматной, лёгкой, десять-двенадцать алкогольных градусов.

– Знаешь что, – смущённо проговорила Лукерья, глядя на Егора глазами верной дворовой собаки. – Ты приходи ночью, когда закончится эта пирушка. Я тебе, так и быть уж, открою дверь ...

«Попробуй – пойми этих женщин!», – пафосно воскликнул внутренний голос.

– Приду, если будет время, – вслух ответил Егор, про себя точно зная, что не придёт. Хотя с женским полом у него уже с полгода и не наблюдалось плотных контактов, но Егор не был ещё готов – к близким отношениям с местными барышнями, элементарно опасаясь заразиться какой-нибудь гадостью. Тут предварительно надо было разобраться тщательно – как и что, чтобы без всяких негативных последствий...

Из *ранее* изученных архивных материалов, Егор знал, что дом виноторговца Иоганна Монса находится недалеко от коттеджа Лефорта, под металлическим флюгером в виде чёрного лебедя. А вот сведения о самой девице – по имени Анне Монс, серьёзно расходились. Одни источники утверждали, что Анна была дочерью Иоганна, девицей благонравной и в 1687 году абсолютно непорочной и целомудренной. Согласно другим свидетельствам, Анна была вино-торговцу совсем даже и не дочерью, а жизнь вела беспутную, беря с мужчин деньги за свои разнообразные услуги. Обычной проституткой, по их словам, она была, если говорить прямо, безо всяких дипломатических увёрток.

Он нашёл нужный дом быстро: тщательно оштукатуренные стены, выкрашенные в кремовый цвет, узкие окошки, бордовая черепичная крыша, над которой медленно вращался чёрный флюгер-лебедь. Егор откинул крючок, открыл калитку, поднялся на крыльцо, вежливо постучался в узкую дубовую дверь, снова запихал за щеку войлочный катышек.

– Фройляйн Монс! Антвертен! Дас ист их! Алексахка Меньшиков, червь недостойный!

– Входи, червь, вползай, не заперто! – ответил ему приятный – с лёгкой пикантной хрипкой, голосок.

Через прихожую Егор прошёл в большую квадратную комнату, служившую, судя по всему, столовой. Комната была плотно заставлена различной мебелью, на поверхности которой располагались многочисленные безделушки: фарфоровые мопсы и кошечки, деревянные фигурки слонов, японские веера, шкатулки, щедро украшенные перламутровыми вставками. На стенах столовой висели чёрно-белые гравюры с видами Баварских Альп, портреты каких-то мрачных мужчин и чопорных женщин.

– Ты что уснул там, мой маленький озорник? – позвал голосок из приоткрытой правой двери напротив. – Забыл, где мой будуар?

Егор, слегка робея, вошёл в будуар фройляйн Анхен.

Будуар – как будуар: широкая кровать под красным пологом, платяной шкаф, китайская ширма, прикроватный столик, трёхстворчатое зеркальное трюмо – напротив которого и сидела на элегантном стуле с изогнутыми позолоченными ножками означенная фройляйн.

На первый взгляд – лет девятнадцать-двадцать, белокурые волосы до плеч, нос-кнопка, голубые глаза, на щеках – милые ямочки и лёгкая угревая сыпь. Ничего особенного, короче говоря. Одета девушка была в скромное домашнее платье – с оголёнными плечами, на строй-

ных ногах были надеты мягкие бархатные туфли без задников. Голубые глаза Анхен, отражённые зеркалом трюмо, были умными и лукавыми, с лёгкой развратинкой.

– Ну, что стоишь столбом? – удивилась милая барышня, она говорила по-русски достаточно правильно и почти без акцента, только немного замедленно, короткими усечёнными предложениями. – Иди ко мне. Увалень деревенский. Целуй! – указала пальчиком на свою лебединую шею.

Делать было нечего, Егор подошёл к девице, старательно изобразил страстный поцелуй.

– Ой, щекотно! – громко завизжала Анхен, отстранилась и посмотрела внимательно на своего кавалера: – Какой-то ты сегодня другой, Алексашка. Словно замороженный. Может, приболел?

– Я, я. Их бин кранк! – подтвердил Егор, указывая пальцем на свою щёку с войлочным шариком. – Зубы, проклятые, ноют. Флюс вскочил...

– Бедненький ты мой! – всплеснула девушка руками. – Тогда сегодня целоваться мы не будем. У тебя же, наверное, воняет изо рта. Впрочем, ты мне уже прилично надоел. Я не из тех женщин, которые долго спят с одним и тем же ухажёром. Особенно – без денег. Кстати, – подозрительно прищурилась, – ты стал говорить по-немецки совсем по-другому. Грамотно. Вот даже артикль «бин» употребил. С чего это вдруг?

– Стараюсь, моя прекрасная наядя! – влюблено глядя на фройляйн Монс, горячо заверил Егор. – Обещаю, что непременно освою германскую речь. Вот и стараюсь...

– Молодец, хороший мальчик! – одобрила Анхен, ласково потрепала его по щеке и тут же стала серьёзной. – Раз на сегодня любовные утехы отменяются, сразу же перейдём к делам. Возьмёшь мою коляску. Ту, с откидывающимся верхом. Иван запряжёт, я прикажу. Поедешь на Разгуляй. Найдёшь там мастерскую чулочных дел мастера Шварца. Он твой тёзка. Скажешь, что от меня. Заберёшь пакет. Потом посетишь аптеку месье Жабо. Там для меня должны приготовить микстуру от кашля. После этого заедешь в Рыбные ряды. Купи чёрной и красной икры. Только смотри, свежей! Осетрового балыка – большой кусок. Две средних стерлядки. Как это будет по-русски? Копчёных, вот! Возьми деньги, – небрежно протянула несколько серебряных монет. – Сдачу потом отдашь. Пересчитаю!

– Это всё, моя нежная госпожа? – склонился Егор в шутовском поклоне.

– Не паясничай, мужик! – гневно прикрикнула молодая женщина и даже гневно топнула ножкой. – Главное будет вечером. Сегодня к герру Лефорту приезжает царь Петер. Гадкий, противный молокосос. Я его буду очаровывать. Говорят, он до сих пор ещё не знает женщин. Это очень хороший шанс. Мы с Францем решили, что пришло время. Буду приручать этого дикаря. Понимаешь? Вот и хорошо. Я его очарую. Как? Так, что он потеряет голову. Навсегда. Я очарую и исчезну. Петер начнёт искать меня. Ты его проводишь. Утром отвезёшь мальчишку во дворец, в Преображенское...

– Провожу, отвезу, – Егор покладисто кивнул головой.

Анхен Монс неожиданно превратилась в разъярённую фурию:

– Ты что усмехаешься, русский недоносок? Не смей улыбаться, дурак сиволапый! Если не приведёшь ко мне царя, сотру в порошок! Лично отрежу твой любимый отросток! Отсеку топором!

Глава третья

Знакомство с Петром, первое покушение

Коляска, в которую была запряжена смиренная гнедая лошадка, чуть заметно переваливаясь с боку на бок, плавно катилась по пыльному российскому просёлку. Светило ласковое июльское солнце, в голубом бездонном небе весело щебетали еле видимые жаворонки, тёплый ветерок нежно шевелил волосы на голове. Но Егору было не до любований красотоми русской природы, он усиленно размышлял:

«А может быть эта Анхен и «заменена» экспериментаторами на своего «агента»? Почему бы и нет? Теоретически – вполне даже возможно. Хотя, рановато, честное слово. По идее, они должны дожидаться, когда начнутся реальные Петровские реформы. Когда эти реформы и прочие нововведения серьёзно навязнут в зубах у бояр, плешь у них протрут. Тогда и ответная реакция на неожиданную смерть Петра будет сильнее, Россия с удвоенной скоростью понесётся обратно, в убогую патриархальную старину. Так то оно так, но надо все варианты просчитывать...».

В конце концов, Егор решил ограничиться только подменой пузырька с микстурой от кашля. Вполне логично, если предположить, что там коварно подмешан яд – для неожиданно зашкалявшего царя...

Показались знаменитые Покровские ворота.

Нет, всё было совсем даже и не так: сперва в ноздри ударил сильный трупный запах (уж в этом то Егор разбирался – служил, всё-таки, не в стройбате!), поднял глаза – вот они, Покровские ворота. Смешные такие – деревянные, слегка помпезные. Несколько стрельцов уныло бродили рядом с воротами – в красных (клюквенных?), и зелёных кафтанах, горели костры – невесёлые, дымные, тоскливые. Но противно пахло вовсе не от костров: в обе стороны от ворот шёл полуразрушенный неглубокий ров, а по городской стороне рва стояли виселицы, визуально – несколько сотен.

«Ничего не понимаю!» – безглаголиво заявил внутренний голос. – «Ну, повесили гада, какие вопросы? Заслужил – получи! Это как раз и понятно. Повесили – сняли и закопали. Нет же, всё должно висеть – в назидание другим... Вон – скелет висит в обносках.... Да, бывает. Но как же – воняет, так его! Ладно – перетерпим...».

А ещё рядом с дорогой, метрах в десяти, стояла толстая дубовая колода, возле которой горкой лежало с пару десятков отрубленных, уже – почерневших воровских рук, над этим холмиком настырно кружили, хищно жужжа, разноцветные жирные мухи...

Егор спокойно проехал через ворота.

Все эти поручения по чулкам-микстурам – дело плёвое: гаркнул – пару раз, что шкуру снимет, бросил вожжи, вошёл, забрал посылки, дальше поехал. Правда, около аптеки какие-то серые личности явно намеривались увести повозку, но – успел, по ходу дела сорвал с аптечного фасада плоскую вывеску, метнул. Попал, конечно, будут, уроды, знать в следующий раз – с кем связались...

А вот с Рыбными рядами – это – да! Блин, это был – *реальный 1995 год*, самые что ни наесть натуральные и тёмные бандитские времена. Подъехал – лучше бы не подъезжал: вонюче, людно, нищих и калек – нечитано, такое впечатление, что раза в два больше, чем обычных людей – покупателей и продавцов вместе взятых...

– О, кукуйский хват пожаловал! – известил тоненький наглый голосок. – Чечаз мы его – смешаем в солянку польскую! Гы-гы-гы!

Подошедший паренёк был низкорослый и худенький, лет восемнадцать-девятнадцать, но по глазам было сразу видно, что парнишка тёртый, скользкий и смышлённый. К ногам юнца преданно жался здоровый, тёмно-серый волкодав.

– Ты сторожишь, Швелька! – с усмешкой посоветовал пареньку безногий калека, скромно стоящий у обшарпанной стены двухэтажного дома. – Данилыч то у нас нынче – обитает при знатных чужеземных господах. Пожалуетса на тебя немчуре, а те ребята страшные, в миг задерут – как дикого кабана, ха-ха, – засмеялся невесело, словно бы, через силу.

– Ну, чего тебе надо, व्यюноша шустрый? – дружелюбно спросил Егор. Сперва то он хотел по-простому заехать наглему в зубы, но потом присмотрелся: за худосочной спиной Швельки маячило несколько хмурых личностей – полных отморозков по внешнему виду. Да и у волкодава глаза посвёркивали очень уж недобро. Опять же следовало и приятелей *здесь* заиметь, к которым можно было бы обращаться с разными вопросами.

– Да ты совсем забурил, морда кукуйская! – неожиданно возмутился парнишка. – Всего то и старше меня на один годок, а обзывается «выюношей»!

Егор нахмурился слегка:

– Ты по делу говори, земля, нет у меня времени – точить ляды с тобой!

– Можно и по делу. Одна копейка с тебя – возок постеречь. И ещё две – за прошлый раз.

– Какой ещё такой – прошлый раз?

– А неделю назад, запаматовал? Кто уехал, а за охрану так не заплатил, мол, очень торопился к казнобе?

– Ну, было такое дело, – легкомысленно пожал Егор плечами. – Бывает. А почему две деньги, когда полагается одна?

– Одна – за честный пригляд, другая – честный штраф, чтобы не забывал в другой раз. Так то вот, если по правде!

Бросив вымогателю три копейки-чешуйки, Егор прошёлся по рядам. Рыбное изобилие откровенно поражало: каких рыбин тут только не было, всевозможных видов и размеров! Рыба свежая и вяленая, копчёная и солёная – в больших бочках. Один из осетров явно весил больше ста пятидесяти килограмм, гигантский сом был длиной больше трёх метров... И всё это было безумно и непривычно дёшево: за пару-тройку копеек можно было купить приличный по размерам бочонок с солёной воблой, или – полновесный килограмм (на глазок), свежайшей чёрной икры.

Быстро сделав покупки, Егор подошёл к возку, уверенным барственным жестом подозвал к себе Швельку.

– Чего тебе ещё? – недовольно скривился паренёк, провожая жадным взглядом дородную боярыню в собольем капоре (и это летом!). – Говори быстрее, а то у меня ещё дел – невпроворот!

Волкодав солидно гавкнул, словно соглашаясь со своим хозяином.

– Ты уважаешь хлебное вино?

– А кто же его не уважает? Ты знаешь такого человека?

– Тогда давай – через следующий первый день недельный, встретимся в царском кружале, в том, что на Разгуляе. Посидим, покалякаем с тобой за жизнь нашу – скорбную...

– Дело намечается какое? – глаза Швельки заблестели заинтересованно.

– Может, и дело! Там видно будет...

– Тогда я с собой ещё прихвачу Алёшу Бровкина. Помнишь, вы с ним пирогами тухлыми торговали вместе?

– Помню, прихвати, конечно! – согласно кивнул Егор головой, а про себя подумал: «А Толстой-то свой роман писал – со знанием дела, глубоко копал, видимо...».

Он доставил все покупки в скромный домик Монсов, предварительно подменив флакончик с микстурой от кашля – на аналогичный, купленный в другой аптеке, отчитался, отдал сдачу.

– Как пообедаешь, так сразу же иди к Лефортовой дворне! Старик Вьюга уже спрашивал о тебе, – сообщила Анхен, поправляя на своей голове многочисленные бигуди. – Да смотри, не забудь про Петера! Как только, так сразу води его ко мне. Да и на вино с наливками не налегай, молодой пропойца...

На обед Лукерья предложила постные щи с репой и капустой, совершенно невкусные и несолёные, а вот белый пшеничный хлеб был что надо: мягкий, ароматный, духовитый, с аппетитной коричневой корочкой. Запив всё это пенным забористым квасом, Егор отправился на задний двор – искать Вьюгу.

За сенником проходила самая настоящая репетиция ансамбля русских народных песен и танцев: старик Вьюга являлся художественным руководителем этого самобытного коллектива и главным режиссером – в одном лице.

– Ты, Санюшка, сегодня сам на себя не похож! – недовольно сетовал старик, мотая седой бородой. – Варёный какой-то, прямо. Твой выход – на восьмом коленце, – кивнул головой в сторону ложечников, возглавляемых хмурым Фомой, одно ухо которого было гораздо больше другого. – Восьмого! Считать разучился? И рука... Кто так при поклоне – машет рукой? Ты же не дрова рубишь, в конце концов!

– Ну, извини, старинушка! – оправдывался Егор, пальцем показывая на свою щёку, за которой снова находился войлочный катышек. – Зубы с утра ноют, проклятые! Спасу никакого нет...

Через два часа за сенник пожаловал сам Франц Лефорт. Опираясь на массивную трость, послушал некоторое время, достал из кармана камзола часы в круглом позолоченном корпусе, щёлкнул крышкой, замахал рукой:

– Всё, завершайтесь! Через час царь Петер будет здесь! Переодевайтесь, живо, живо! Всем надеть синие порты и лазоревые рубахи. Те, что петушками расшиты... Живо, живо! И никаких лаптей мне! Всем надеть сапоги! Высокие, кожаные. В батоги всех, неучи!

Стемнело, в доме зажгли длинные и толстые свечи, на улицах ярко загорелись масляные фонари – под стеклянными колпаками.

Возле высоких Лефортовых ворот слышались громкие крики, смех, звонкий разбойничий посвист.

– Стоять! Стоять, кому говорено! Стоять! – раздался басовитый юношеский голос, тут же, впрочем, сорвавшийся на звонкий фальцет. – Открывайте ворота, лентяи! Быстрее! Принимайте великого посла от еллинского бога Бахуса!

Егор и Вьюга бросились к воротам, мгновенно развели створки в разные стороны.

Во двор въехала низенькая позолоченная карета на резных колёсах, в которую была запряжена четвёрка здоровущих чёрно-белых свиней. Из окошка высовывалась чья-то красная испитая физиономия с мочалом (вместо парика), на голове. Рядом с каретой – с вожжами в руках, вышагивал рослый юноша в немецком платье и пышном рыжевatom парике на голове, с редкими «кошачьими» усишками над верхней губой. Юноша выглядел каким-то неловким: непропорционально длинные, «журавлиные» ноги, длиннющие руки, узкие плечи. Сразу было видно, что зеленоватый кафтан с чёрными отворотами его обладателю откровенно мал, а рыжеватый парик, небрежно сбившийся на сторону, – также откровенно велик. Юнец явно смущался, напуская при этом на себя бесшабашный и весёлый вид. Петру можно было смело дать лет двадцать с небольшим, хотя Егор точно знал, что царю совсем ещё недавно исполнилось только пятнадцать.

Пётр открыл дверцу кареты, за воротник заячьего тулупа вытащил наружу пожилого, благообразного и низенького человечка, сильно толкнул его в спину, отчего человечек – пьяный до изумления, тут же повалился на колени. «Никита Зотов!», – узнал Егор. – «Царёв воспитатель, пёс верный, человек правильный!».

Многочисленные обитатели Кукуйской слободы, собравшиеся перед парадной дверью коттеджа Франца Лефорта, подбадривающе захлопали в ладоши.

– Это очень весёлая шутка, мои добрые господа! – громко заверил всех присутствующих Лефорт. – Царь Петер – очень умелый шутник!

– Мейн либер генерал, я привез тебе великого посла с великим виватом – от эллинского бога Бахуса! – чуть заикаясь и бешено вращая круглыми глазами, заявил юноша. – Мит херцлихен грус.... Сиречь, бьет челом.... Свиней и карету шлет в подарок ...

Лефорт подняв высоко вверх руки, громко захлопал в ладоши, залился веселым и беззаботным смехом:

– Какая замечательная и весёлая шутка! Мы, глупцы, думали поучить его забавным шуткам, но он ещё сам поучит нас шутить.... Эй, музыканты, марш в честь бахусова посла!

За кустами жасмина слаженно ударили барабаны и литавры, громко заиграли трубы.

Пётр облегчённо вздохнул и довольно засмеялся...

Лефорт взял царя под руку:

– Прошу проследовать в мой скромный домик! Откушать – что Бог послал, как вы, русские, любите говорить! А потом – будут танцы до упада! Позвольте, герр Петер, познакомить вас с очаровательной и прелестной Анной Монс, дочерью почтенного виноторговца Ивана Монса. Анна – самая красивая девушка нашей слободы!

Анхен склонилась в почтительном полупоклоне, демонстрируя свои оголённые бело-снежные плечи и великолепную полную грудь – в очень откровенном декольте...

Лефорт взмахнул рукой, грянула русская плясовая, Егор пошёл вприсядку, отбивая подковами каблуков звонкую дробь, – с переворотами и подлётами, завертелся юлой...

Гости прошли внутрь дома, расселись за заранее накрытыми столами.

– На улице будь! – краешком рта строго приказал Егору Лефорт. – Стой у открытого окна, посматривай и не зевай.... Жди нужного момента!

Оркестр без устали наигрывал плясовые мелодии: русские, немецкие, совершенно непонятного происхождения. Пары кружились в плавных менуэтах, скакали в весёлых ритмах уда-лой польки. Над столами клубился табачный дым, спиртное лилось нескончаемой рекой...

Егор, наблюдая, не отходил от раскрытого окна. Пётр явно захмелел, глупо и смущённо улыбался, сильно прижимаясь своей длинной ногой к крутому бедру Анхен. Девушка громко и заливисто смеялась, многозначительно и развратно подмигивая царю. Процесс развивался в соответствии с тщательно разработанным планом...

Наконец на крыльце забелела пышная юбочка Анхен.

– Алексашка, ты здесь? – раздался громкий шёпот.

– Здесь!

– Я пошла к себе. Не зевай! Жду тебя с этим малолеткой.... До чего же противный типус! Он, похоже, даже зубов никогда не чистит! Доннер ветер!

Петр выбрался на свежий воздух минут через двадцать пять, недоверчиво огляделся, пошатываясь, подошёл к высокому кусту сирени, помочился, пробормотал себе под нос:

– Где же теперь искать эту чертовку сисястую? А? Сбежала, ну надо же...

– Я провожу, государь, если хочешь! – подал Егор голос, выходя на свет, падающий из открытого окна. – Она недалеко тут живёт, да и папенька ейный у герра Франца пьянствовать изволит, так что – не помешает...

– Ты кто таков будешь?

– Алексашка я, Меньшиков, денщик Лефортов!

– А, плясун! Лихо это у тебя получается. Молодцом, одобряю! Ну, тогда веди, плясун, веди!

У входной двери дома Монсов Пётр неожиданно остановился и нерешительно замялся:

– А вот с женщинами – как оно? Что делать то надобно?

– Что делать с женщинами? – негромко и удивлённо присвистнул Егор. – Тут, государь, в двух словах не расскажешь! Внимательно слушай, твоё Величество...

Минут пятнадцать Егор излагал некоторые прописные истины. Пётр заинтересованно слушал, удивлённо вертел головой, иногда нервно переспрашивал... В конце этого просветительского повествования царь-подросток строго погрозил Егору пальцем:

– Поверю тебе, Алексашка, на слово... Но смотри, если всё это – дурацкие шутки, головы тебе не сносить!

– Да что ты, государь! – Егор молитвенно сложил ладони своих рук перед грудью. – Как же я могу – шутить над самим тобой? Ты же – надежда наша! Общее русское сердце! Мин херц – то бишь... Ты уж иди, государь, не сомневайся! Я пока двуколку запрягу, к рассвету отвезу тебя в Преображенское, во дворец. Всё будет в лучшем виде, не переживай! Иди, ужо, к барышне, резвись...

– Ладно, посмотрим – что к чему! Порезвимся! – Пётр трижды сплюнул через левое плечо, постучал костяшками пальцев по деревянным перилам, взялся за дверную ручку, широко распахнул дверь...

– Это ты, папенька? – долетел чуть испуганный, нежный голосок Анхен...

Егор самостоятельно запряг Карего в двухместный возок, не торопясь, подъехал к домику Монсов, привязал коня к забору, бесшумно подкрался к приоткрытому окошку, прислушался. Страстные женские охи и стоны, юношеский звериный рык...

«Идёт процесс, идёт, родимый!» – усмехнулся про себя Егор и отошёл обратно, забрался в повозку, настраиваясь на долгое ожидание...

Пётр вышел на крыльцо только на раннем рассвете – розовая нитка зари загадочно и целомудренно теплилась на востоке. В той стороне, где находился Преображенский дворец, на небе висела чёрная-чёрная туча, из которой, время от времени, вылетали узкие жёлтые молнии, басовито и угрожающе гремел гром.

– Ты где, Алексашка? – хрипло спросил царь.

– Здесь я, мин херц, здесь! – предупредительно откликнулся Егор.

– Ну, и имечко ты придумал мне, холоп! – довольно хохотнул Пётр, залезая в повозку. – А впрочем, можешь и так называть... Заслужил!

– Что, всё так и было, как я рассказывал?

– Ты даже и половины не поведал! – широко и хищно улыбнулся царь. – Да, занятное это дело, очень даже – занятное! Ладно, хватит языками чесать, поехали! Мне спать хочется – как не знаю что... Ты плащи то догадался захватить? А то – как бы не попасть под дождь сильный!

– Захватил, да и туча уходит в сторону ...

Коляска медленно ехала через поля, заросшие густым разнотравьем, солнышко уже оторвалось от линии горизонта, со всех сторон раздавался весёлый и беззаботный птичий щебет, над крупом коня кружили редкие комарики.

– Ты, Алексашка, у Лефорта ходишь в денщиках? – очнувшись от дрёмы, неожиданно спросил Пётр.

– Да вроде того, помогаю – как умею.

– А ко мне пойдёшь в услужение? Сперва – постельничим, потом переведём в денщики. Так как?

– Так с нашим удовольствием, мин херц! За честь почту! Только ты это, мин херц, с господином Францем – договаривайся сам!

– Договариваться? Царям по чину не полагается – договариваться! Прикажу, пусть только попробует кочевряжиться, немчура худосочная, по плечи вобью в землю! А ты что же, оружия никакого не прихватил с собой? Вот люди лихие появятся, чем своего царя защищать будешь?

– А вот этим! – Егор глазами указал на ровный, хорошо оструганный берёзовый дрын: сантиметра четыре с половиной в диаметре, длиной – один метр сорок сантиметров, заостренный с двух сторон. – Хорошая вещь – в умелых руках!

– Ну-ну, – недоверчиво проворчал царь, снова погружаясь в тяжёлый сон...

Повозка выехала на высокий холм, сильно запахло горелым. Справа от просёлка возвышалась недостроенная крепостная стена: деревянные сваи, переплетённые ивовыми фашинами, по углам – симпатичные башенки, вдоль стены тянулся глубокий ров. А с левой стороны сильно дымилась совершенно непонятная чёрная конструкция, состоящая из трёх рваных глыб-обрубов.

– Мин херц! – Егор невежливо толкнул царя локтем.

– А? Что? – испуганно отреагировал Пётр, бестолково пуча свои круглые глаза.

– Что это такое там, впереди?

– Это? Так крепость моя, стольный город Прешпург. Недостроенная пока, правда.

– Не, про крепость то я понял. Я спрашиваю вон про ту чёрную штуку, откуда поднимается дым...

– Ничего себе! – царь был непритворно удивлён. – Святые Угодники! Тут же ещё вчера вечером рос трёхсотлетний дуб! Могучий такой, высокий. Красавец – одним словом... Это что же, его молнией так шандарахнуло? Велика твоя сила – Господи! Давай, Алексашка, правь прямо к этому месту! Осмотрим всё!

Повозка остановилась в десяти метрах от сгоревшего дерева, Пётр ловко соскочил на землю.

Ту они и появились – выскочили из-за разломанного молнией дуба, где, видимо, и прятались. Двое, по всем внешним признакам и показателям – отъявленные душегубы, бродяги с Большой Дороги – в каких-то совершенно жутких лохмотьях. Один был вооружён стрелецким бердышом, другой умело и привычно держали в руках классический кистень.

– Назад! – истошно закричал Егор, взял в руки свой заострённый дрын, выскочил из коляски, невежливо схватил Петра за шиворот, отшвырнул себе за спину.

– Ой, лихо мне! Ой, убивают! – жалостливо причитал царь, опускаясь на землю и обнимая приступок возка.

– Не ссы, лягуха! – подбодрил Егор, ловко вертя дрыном над головой. – Прорвёмся, не впервой! Подходи, корявые!

Если честно говорить, то было страшновато: хоть он и умел многое – касаясь боя рукопашного, но кто их – этих тутошних, знает? Вдруг, они тоже обучены каким-то своим, хитрым и коварным примочкам? Первый бой, он и есть – трудный самый! Дальше всё уже должно легче пойти – по дорожке накатанной...

– Деньги давай, боярин! – завизжал один из нападавших, широко размахнулся кистенём и бросился вперёд.

Егор легко ушёл в сторону, сделав резкое колющее движение навстречу противнику, раздался страшный вопль, полный дикой боли. Пирует, блок, отбивающий в сторону бердыш, качественная маваша-гири – в грудь второму нападавшему, поворот, новый колющий удар, новый крик боли...

Потом он и сам искренне удивлялся – такой своей невиданной ловкости и удачливости: нападавшие то мужики были больно уж здоровы, да и, судя по всему, опытные – по-настоящему...

«От страха, видимо, ты и совершил – то геройство беспримерное!», – подытожил, с лёгкой издёвкой, вредный внутренний голос.

Через семь-восемь секунд два человеческих тела мирно лежали на зелёной травке: одно – непреложно мертвое, второе – умирающее, с берёзовым дрыном в солнечном сплетении.

– Кто вас послал? Говори! – Егор (героически поборов тошноту), сжав зубы, чуть покачал палку из стороны в сторону, присел на корточки, пристально взгляделся в лицо поверженного врага. – Кто тебя сюда послал? Кто – послал? Говори! Говори! Говори!

– Стёпка Одоевский, боярин! – болезненно выдохнул бродяга, обладатель реденькой бородёнки и пегих сальных волос. – Не мучай ты меня! Кончай уже!

– Как скажешь! – покладисто согласился Егор и ударил бродягу «орлиным клювом» – простейшим ударом из арсенала боевого каратэ, прямо по сонной артерии....

«Нормально всё, браток!», – зашептал внутренний голос. – «Тут времена – не приведи Бог! Только сильные выживают, да жестокие! Нормально, не переживай, привыкнешь!».

А Егора откровенно мутило. Приходилось ему уже, в жизни своей совсем недлинной, и людей убивать, да и всякое.... Но эти Времена чётко обещали, мол: «Здесь кровь – дело обычное, каждодневное....».

Сзади послышались странные звуки, Егор резко обернулся. Пётр безвольно лежал на земле, всё его длинное и неуклюжее тело сотрясала сильная дрожь, на губах пузырилась розовая пена. Егор метнулся к царю, положил его голову – себе на колени, крепко зажал правой рукой, левой достал из-за голенища сапога нож, аккуратно разжал царские зубы, вставил между ними лезвие ножа.

Припадок длился минут десять. Наконец, тело царя перестало выгибаться в дугу, на лице появилась маска блаженства, губы сложились в неуверенную улыбку.

– Всё, кажется, отпустило! – облегчённо выдохнул Пётр, глядя на Егора чуть смущённо и жалобно. – А эти двое? Убежали?

– Успокоились, родимые! – невесело усмехнулся Егор. – Кстати, их подослал князь Степан Одоевский. Знаешь такого?

– Как не знать! – глаза Петра вспыхнули от нешуточного гнева. – Верный пёс моей сестрицы-Софьи. Гадюка! Никак не может успокоиться, сволочь! Зло тихо летать не может ...

Бросив удивлённый взгляд на два мёртвых тела, царь взобрался в повозку, похвалил скупко:

– А ты, Алексашка, хват! Далеко пойдёшь, братец, не заворуешься если ...

Подхватив свою берёзовую палку, Егор уселся рядом с Петром, нежно взмахнул вожжами, ласково попросил сонную лошадку:

– Поехали, дорогуша!

До Преображенского дворца они добрались уже без всяких приключений. Ехали молча, почти не разговаривая, Егор только вскользь полюбопытствовал – о природе недавнего припадка.

Пётр нахмурился:

– Года три назад отравить пытались меня.... Лекарь Фурье насилу отпоил тогда каким-то отваром. Но иногда всё возвращается, особенно – если волнуюсь....

«Особенно – если испугаешься до полусмерти!», – незлобиво усмехнулся про себя Егор.

Проехали через распахнутые ворота, окованные широкими железными полосами, от ближайшего деревянного терема им навстречу побежали взволнованные люди: конюхи, стольники, офицеры, кто-то в генеральском мундире, впереди всех – Никита Зотов, абсолютно трезвый, расчёсанный, без парика, с ухоженной кудрявой бородкой, в тёмной ферязи, – совершенно непохожий на себя вчерашнего.

– Государь, государь! А мы то уже извелись все! Уже и не знали, подумать чего! Матушка ваша, Наталья Кирилловна, всю ночь не сомкнула глаз ...

– Помолчи, Моисеич-Зотыч²! – устало прервал его Пётр, ткнул указательным пальцем в Егора. – Вот этого человека зовут – Алексашка Меньшиков! Данилыч – по отцу.... Подготовь Указ. Назначаю означенного Алексашку своим спальником! Нет! – задумался на минуту. – Назначаю его – «царёвым охранителем»! Так и пропиши!

– Батюшка, Пётр Алексеевич! – повалился на колени Зотов. – Нет у нас такого чина, не гневайся!

– Нет, так будет! – сказал царь, словно – припечатал. – Пока вы тут ворон да галок ртами ловили, на меня два страшных злыдня напали. И этот Алексашка безродный меня спас, обоих врагов отправил в ад, к чертям на сковородки раскалённые! Вот так оно.... Произвести – в «охранители»!

– Кто напал? Где? Я сейчас пошлю людей! – с сильным акцентом залопотал подбежавший пожилой генерал.

«Генерал Теодор фон Зоммер!», – сразу же узнал говорящего мужчину Егор и чётко ответил:

– Дорога на поселение Кукуй. Напротив Прешпурга стоял трёхсотлетний дуб. На рассвете в него попала молния, сожгла до корней, остатки развалила на три части. Вот около этих дымящихся пеньков и лежат тела. Убил я их с помощью этой берёзовой палки. При допросе было установлено, что убийцев подослал боярин Степан Одоевский. У меня всё!

– Молодец, дельно! – похвалил Егора фон Зоммер и обратился к высокому молодому человеку в кафтане Преображенского полка: – Василий! Возьмёшь людей, подводу пачканную. Тела воров привези. Осмотри округу. Тщательно осмотри! Каждый кустик проверь! Выполнять!

Пётр поманил Егора пальцем:

– Пойдём спать! Ляжешь в моей светёлке!

В опочивальне Егор разул царя, снял кафтан, развязал белый шейный шарф. Петр, предварительно разогнав в разные стороны стайку наглых рыжих тараканов, улёгся на толстую войлочную кошму, велел Егору лечь рядом. Прислонив голову к его плечу, негромко попросил – ломким юношеским голосом:

– Ты, братец, охраняй меня.... Хорошенько – охраняй! – через десять секунд тоненько засопел, мгновенно погрузившись в спасительный сумрак сна...

Через некоторое время Егор – сквозь чуткий сон, услышал, как тихонько закрипела входная дверь, приподнял голову, всмотрелся. В дверном проёме показалось непроницаемое лицо Никиты Зотова. Зотов веско кивнул головой, мол, давай на выход, молодчик, разговор есть!

---

² Некоторые частные письма Петра свидетельствуют о том, что он и его ближайшие друзья называли Никиту Зотова – именно «Зотычем».

Глава четвёртая

Будни охранителя

Егор торопливо натянул на босые ноги сапоги (с онучами решил не возиться), впопыхах набросил на плечи какую-то одежду – первую подвернувшуюся под руку в темноте, через короткий коридор вышел в светлицу.

По центру широкого дубового стола располагался массивный бронзовый подсвечник, в полусферических чашечках которого были закреплены пять толстых, ярко горевших свечей. Рядом с подсвечником стояла высокая бутылка синего стекла, три широких оловянных стаканчика, фарфоровое блюдо с кусками тонко нарезанной солонины, глиняная миска с маринованной редькой.

За столом сидели Никита Зотов и генерал фон Зоммер. Оба смурые и слегка нетрезвые. Судя по высокому солнцу, с момента ухода Егора в спальню Петра прошло часа два с половиной – три.

– Садись, Алексашка, сын Данилов! – предложил Зотов, сверля Егора хмурым и недоверчивым взглядом. – Сам себе нацеди щедро из бутылки, выпей за здоровье нашего государя, Петра Алексеевича. Это ромус с дальних островов, инфант испанский презентовал даве. Смело пей, напиток добрый, проверенный уже!

Позёвывая и почёсываясь со сна – совсем чуть картинно, Егор нацедил себе полный стакан рома, мимоходом мелко перекрестился, выдохнул, браво – единым глотком, опрокинул содержимое посуды внутрь организма, чуть передёрнулся, бойко захрустел мелкой фиолетовой редькой.

«Градусов семьдесят будет!», – уверенно определил внутренний голос. – «Хотя, ещё и не такое пивать доводилось – в городке военном, на ливийско-алжирской границе...».

– О-о! Силён! – уважительно поднял вверх указательный палец генерал Зоммер.

Зотов же стал темнее тучи грозовой:

– В том то всё и дело – что силён... Взлся – не пойми откуда. Без роду и племени. Теперь, видишь ли, в государевы «охранители» его записывай! А он уже, гляди, уже царский кафтан напялил на себя! Во, хват шустрый, право слово!

Егор бросил взгляд на свою одежду и слегка смутился: действительно, со сна да в темноте, он случайно прихватил Петровский кафтанчик.

«А Зотов то – ох, непрост!», – подумалось. – «Глазастый, чисто Мюллер – из фильма про Штирлица!».

– Извиняйте, дяденьки! – Егор торопливо скинул кафтан, ловко повесил его на спинку стула. – Случайно это получилось, не со зла!

– Случайно, понимаешь! – продолжал ворчать Зотов. – А двух душегубов, вооружённых с ног до головы, ты, молодец, тоже успокоил случайно? Берёзовой палкой?

– Палкой, потому как не было ничего другого под рукой, – начал оправдываться Егор и тут же забеспокоился: – А что, Никита Моисеевич, не надо было – трогать тех смирных и добрых воров?

– Смотри-ка! – искренне удивился царский воспитатель. – Он и отчество знает моё! Откуда, спрашивается?

– Так молва же народная! Люди говорят, мол: «При царе-батюшке боярин Никита Моисеевич Зотов состоит, благой человек, великого ума!». А я что? Слышал просто, да и память хорошая... Есть ли в том грех?

– Пройдоха! – махнул Зотов рукой. – Прохиндей скользкий!

– Стоп, стоп! – вмешался Теодор фон Зоммер. – Это всё не есть очень важно. Скажи, отрок, а где ты научился так ловко убивать людишек?

– Я, когда убежал от своего отца, много где скитался. Убежал – почему? Порол он меня очень сильно, дрался палкой. Не, я понимаю, отцова рука – владыка, и всё такое. Терпеть надо. Через битьё и умнеют ребятишки.... Тут я совсем даже не спорю! Но, когда ни за что? Когда – просто так? Если я вижу, что ему просто нравится – лупить меня? Чем больше бьёт, тем больше нравится бить ему! И не важно уже – за что.... Не, смотрю, я так скоро стану полным уродом! Калекой убогим! Вот и убежал.... Цыгане приютили, два года с ними кружил вокруг Москвы. А в таборе был старик один – Ли Хо по имени, немощный такой, седой, но очень умелый. То ли китаец, то ли ещё кто – из желтолицых и узкоглазых. Вот он и научил меня всякому: драться на палках, без палок, метать ножи, звёздочки серебряные.... Потом старик умер, стрельцы цыган разогнали, предварительно ограбив. А я к герру Лефорту попал в услуженье. Вот так оно всё было...

Фон Зоммер довольно прищурился:

– Хорошо. Зачем говорить лишние слова? Драться умеешь? А вот ты нам с Зотычем и покажи, чего умеешь! Может, не ты это убил тех двух татей? А, что? Царь то не видал своими глазами – как ты их убивал безжалостно? Не видал! Вот и покажи! – властно кивнул головой на окно.

Егор внимательно посмотрел в ту сторону: на ровной зелёной полянке синхронно махали косами три молодых мужика – высоких, костистых, широкоплечих.

– А чего сделать то надо с ними, просто огорчить немного? – спросил достаточно непри-
нуждённо, даже слегка дурашливо.

Зотов притворно зевнул:

– Вроде этого. Бери свой берёзовый дрын, и вперёд! Приголубь царских холопов немного, но без протыканных животов и прочих серьёзностей.... А, может, это они тебя? Ну, покажи нам удаль молодецкую!

– Можно и показать! – Егор демонстративно стал до неприличия серьёзен. – Только, бояре, давайте всё сделаем по-честному: дрыны те мужикам выдадим, а я, так и быть, с голыми руками пойду на них.... Как вам такое предложение? Хотя зачем – дрыны? У них же косы в руках, тоже оружие знатное... Может, ещё кликнуть человек пять, в помощь этим хилякам?

– Шутишь, бродяга? – повысил голос фон Зоммер. – Ты смотри, голытьба, на каторгу пойдёшь у меня! В Сибирь лютую! Знаешь, что это такое?

– Слыхивали – про ту Сибирь! Страшное дело! – покладисто согласился Егор. – Ладно, не буду брать ничего лишнего на себя! Пусть будут только эти трое, ладно! Отдавайте, бояре, команду...

Зотов бодро убежал куда-то – в один из боковых дворцовых коридоров, в окошке появился только минут через шесть-семь, подозвал к себе усердных косарей, что-то доходчиво объяснил им, раздавая злые тычки – во все части тел, громко прикрикнул, снова пропал из видимости, прокричал откуда-то:

– Давай, Данилыч, вылезай прямо в окно. Давай, давай! Покажи нам с генералом Зомме-
ром – своё умение!

Егор выглянул в окошко. Ситуация была просто идеальной: три здоровенных мужика нерешительно и испуганно топтались в относительном отдалении, явно стесняясь близко подходить к царёвым хоромам, зелёная поляна была воистину безгранична – бегай – не хочу. Фут-
больное поле натуральное.... Сомнений никаких и не было: бой на безграничном пространстве – это вам совсем не то, что схватка на пространстве ограниченном. Бегай себе – и мочи всех по одиночке, в порядке живой очереди.... Элементарно, Ватсон!

Он коротко разбежался и рыбкой нырнул в открытое окно. Перекувырнулся несколько раз подряд, подобрав по дороге в ладонь полусухой конский катышек, вскочил на ноги, бросил

катышек в направлении группы потенциального противника, метко попав в густую пшеничную гриву одному из её бойцов, неторопливо побежал в сторону.

– Ты так то вот? – взъярился обиженный детина. – Догоню – убью! – и незамедлительно рванул следом, зажав в ладони правой руки древко косы.

Подпустив обиженного богатыря на расстояние не более двух метров, Егор резко упал на колени, догоняющий споткнулся и улетел вперёд, врезавшись головой в низкий берёзовый пенёк, жалобно застонал.... Крестьянская коса, выпавшая из ослабевших рук своего хозяина, естественно, досталась Егору...

Со всеми остальными он справился похожими методами: но ни кого из своих невольных противников не наградил открытым жестоким ударом в область жизненно важных органов, так – сплошные чудеса ловкости и находчивости.

Вразвалочку, не торопясь, (даже дыхание почти не сбилось!), Егор подошёл к открытому окошку в светлицу, небрежно попросил Зотова:

– Никита Моисеевич, покурить дали бы! А то я свою трубку оставил у герра Лефорта. И, вообще, надо бы мне съездить туда, забрать вещички личные, полезные ...

Со второго – холодного этажа (с мансарды – по-нашему), раздался громкий и залиvistый смех Петра:

– Жги, Алексашка! Так их – лапотников! Ну, потешил, охранитель ...

Зотов многозначительно переглянулся с Зоммером и зашипел:

– Ладно, ходи пока! Но переговорим ещё. Да и мать царская – Наталья Кирилловна, тобой интересуется сильно...

Пётр был бодр и одновременно хмур. Бодр, видимо, по причине природного дара, хмур – по причине вчерашнего похмелья.

– Ну, наигрался? – неприязненно уставился царь на Егора. – Красавец, право слово! Мужикам лупит морды.... Охранитель, тоже мне! А кто позаботится о здоровье государя? Во рту – уличные кошки нагадили, голова трещит, тоска на душе, мать его! Охранитель хренов, оглоблю тебе – в срочное место! Матушка, наверное, уже с самого утра распорядилась – всё хмельное за семь вёрст увести от дворца! Ну, что делать будем, охранитель?

Егор, скромно улыбаясь и смотря в сторону, достал из-под войлочной скатки объёмную кожаную флягу (наполненную вишнёвой настойкой, предоставленной доброй Лукерьей):

– Мин херц! Ты меня за кого держишь? За лахудру дешёвую? Да я за тебя.... Душу отдам! Не говоря уже о пошлой заначке. Бери, пользуйся!

Царь неверной рукой отвернул с фляги крышку, надолго приник к горлышку, фыркая и значимо подрагивая юношеским кадыком.

– Ну, блин, хороший у тебя охранитель?

– Ох, хороший! И наливка – хороша! Только вот – «блин» то здесь причём?

– Да так, пришлось к слову ...

Пётр очень быстро восстановился, повеселел, стал строить развёрнутые планы на ближайшее будущее:

– Сейчас перекусим и двинем в Прешпург. Проверим – как там мужики возводят восточную стену, не ленятся ли.... Опять же, Преображенский и Семёновский батальоны должны сегодня упражняться в огневом бое. Вечером поедem на Кукуй, Анна Ивановна звала, мол, вечером петь будет. Хотя, я её и без всяких предварительных песен – готов... Э, да ещё же и обед будет.... Зотыч! Иди сюда! – заорал так, что задрожали стёкла в оконных рамах. – Мы с Алексашкой вернёмся к обеду во дворец. Ты девок дворовых – что покрасивше и помоложе, всех сгони к столу! Осмотрим, выберем.... Чего ты, Алексашка, морщишься? И тебе перепадёт, не бойсь! Хочется мне вот опыт вчерашний расширить, с другой стороны посмотреть на

это дело! Чего это вы нахмурились оба? Перемигиваетесь? Или вам царское слово – не указ уже? – пена полетела во все стороны. – Обоих – в каторгу! Головы поотрубаю, вороги...

А Зотов старательно моргал. Мол, молчи, дурилка, слушай, не перечь, а то – ещё хуже будет. Вот когда замолчит, выговорится, тогда и отвечай...

Егор и молчал послушно: одну минуту, пять, семь, десять...

Наконец Пётр замолчал, нервно провёл ладонью по лицу, чуть подёргал под столом левой ногой, спросил хрипло:

– Чего не возражаете то, гниды? Родственные души обнаружились? Срать я хотел на это дело! Сказано, чтоб гладкие девки были выстроены к обеду? Сказано! Вот пусть и будут выстроены, как я велел! Кто чего сказать хочет?

– Дозволь мне, государь? Как твоему верному охранителю? – очень вдумчиво попросил Егор. – Никто же не оспаривает твоего царского права – иметь всех этих девок: хоть по одной, хоть – скопом. Тут дело в другом! Заболеть можно от тех утех.... Серьёзно так заболеть, вплоть до самой смерти! Есть такие хитрые болезни.... Зотыч, подтверди!

– Зотыч?

– Подтверждаю, государь! И нос иногда отваливается от тех дел, и ноги – отказываются ходить! Тут надо каждую, до того дела как, проверять на здоровье обязательно. Господом Богом нашим клянусь – проверять требуется!

После долгого молчания Пётр спросил – требовательно, нетерпеливо:

– Так чего делать-то, советчики? Давайте, решайте, мне ждать – не досуг, хочется очень! Ну, слушаю вас!

Егор, понимая, что нельзя оставлять без боя завоёванные рубежи, предложил с ходу:

– По этому вопросу необходимо назначить «матку», ну, как у пчёл! Такую опытную женщину, обязательно – хорошего роду-племени, в возрасте уже, чтобы бес под рёбра не стучался, но – с полными понятиями. Как и что, что можно, что – нет. И чтобы в болезнях женских всё понимала-соображала.... А, Зотыч? Есть такая на примете? Чтобы ты ей верил, как себе? Давай, соображай! Может, у самого в молодости было чего? В том плане, что имеется зазноба, к которой до сих пор дышишь неровно? Вопрос-то серьёзный! Сам царь спрашивает....

Никита Моисеевич был мужиком тёртым и умным. В том смысле, что его глаза тут же превратились в нули арифмометра. Егор понял, что их обладатель занят серьёзными и тщательными подсчётами: сколько денег можно срубить за продажу такой серьёзной и скользкой должности?

Пётр, не смотря на свою внешнюю несообразительность, тут же взревел по сути:

– Чего кумекаешь-то там? Кому должность продать подороже? Быстро называй имя! Башку снесу!

Зотов довольно зажмурился, явно вспоминая что-то приятное:

– Есть одна достойная боярыня, из рода Толстых. Ну, такая плотная, весёлая, жена дяди твоему, государь....

– А, знаю! – Пётр повеселел, – Достойная тётка! Всё мне чего-то подмигивает. Я ей сам всё объясню.... Не, и вы ей всё объясните, чего уж там! Исполняйте – ваши должности...

Перекусили наскоро: слегка пованивающая, бело-розовая солонина, овальные ржаные лепёшки-плетёнки, варенные куриные яйца, квашеная капуста, маринованная редька. На десерт – красная, но очень кислая – до сведенных скул, вишня, мелкий сладкий розовый крыжовник, пенный квас.... Поев, царь непрерывно рыгал, явно не догадываясь, что это неприлично.

Краем глаза уловив осуждающий взгляд Егора, Пётр, тем не менее, нашёл время и для вопроса:

– Чего лыбишься то? Ты и вчера ещё морду воротил на сторону. Раз я твой «мин херц», то и говори всё – как оно есть!

– А чего, и скажу, не буду молчать! – осмелел Егор. – В том плане, что таким женщинам как Анна Ивановна – не нравится.... А в Европах – женщины ещё красивей, ещё капризней! Не, мин херц, я только про них! Не будешь обижаться? Точно, не прикажешь рубить голову, на дыбу поднимать? Ну, ладно. Тогда – слушай...

И рассказал: о том, что зубы чистить иногда нужно, что рыгать – лучше не рыгать, и пукать при женщинах – тоже не стоит.... Да и о многом другом ещё...

– Понятно излагаешь, охранитель! Завтра ещё раз повторишь – полезное дело! – криво усмехнулся Пётр. – А сейчас поедem – отдадимся, так сказать, утехам воинским ...

Отдача, правда, на взгляд Егора, слабоватой получилась. Выехали верхом на смиренных лошадках на высокий холм, вооружились подзорными трубами.

Семёновцы знатно и тщательно обустроились на менее высоком, но крутом холме: за их позицией располагался густой сосновый лес, солдаты выкопали глубокие и широкие рвы, навязали поверх рвов густые фашины, спрятали за фашинами пять-шесть бронзовых пушек. Преображенцы же шли в тупую атаку – выстроившись в пять строёв, не пригибаясь, крича разные весёлые и солёные ругательства. В них стреляли молодой репкой, скатывали со склона холма берёзовые брёвна, бросались еловыми шишками и камнями.

– Форверст! – размахивая тонкой шпагой, кричал генерал фон Зоммер. – В атаку, за мной!

– Хрен вам всем! – отвечал ему генерал Автоном Головин, возглавлявший обороняющихся семёновцев.

Часа два с половиной длилась эта уморительная эпопея – с переменным успехом.

– Ну, как тебе, Алексашка? Здорово? – азартно блестя своими круглыми глазами, спросил Пётр. – Вот она – воинская потеха! Вот, чем надо заниматься! Как считаешь? Слышал про великого Александра Македонского?

– Слышал, как не слышать! – понятиливо откликнулся Егор. – Только это здесь причём? Александр то по-другому бы воевал!

– Чего? Как это – по-другому?

Егор легкомысленно махнул рукой по направлению позиций Преображенского батальона:

– Поставил бы человек двадцать перед этим холмом, чтобы создать видимость атаки. А основные силы послал бы в обход. За батареей же – густой сосновый лес! Выбежали оттуда – и всех порезали – на раз! В полные лоскуты!

– Зачем? – опешил Пётр. – Когда можно победить в честной атаке?

– Если войн много – каждый солдат дорог...

Пододошедший сзади Теодор Зоммер в полном восторге похлопал Егора по плечам:

– Очень верно! У мальчика – голова на плечах, а не глиняный горшок!

Когда уже возвращались обратно во дворец – каждый своим путём: генералы с полками пешим строем, как и полагается, Егор и Пётр – верхом, царь спросил – очень и очень серьёзно:

– Многие говорят, за моей спиной, что я просто сумасшедший: эти потешные полки, кораблики ещё строю на Яузе.... Как думаешь? Зачем всё это? Может, бросить? Бабами плотно заняться? Их же – несчитано вокруг. А?

Вот тут Егор задумался: а что, собственно, отвечать? По Контракту он был обязан делать всё, *чтобы ход Истории не изменялся*. Поэтому и ответил – достаточно заумно и обтекаемо:

– Один мудрый и головастый царь говаривал: «У Государства есть только два верных союзника – его Армия, и его Флот». Поэтому, мин херц, я считаю, что ты всё правильно делаешь. В общих чертах. Тут даже вопросов нет....

– Только – в общих чертах? – Пётр смотрел на Егора испытующе и серьёзно. – Следовательно, можно лучше делать?

– Лучше? Непонятный термин. Серьёзнее, упрямее, по-настоящему... – Егор замолчал, не стоило лишнего говорить, Контракт, всё же...

Впрочем, Пётр неожиданно легко отвлёкся от военной темы: вечерние поездки на Кукуй, заканчивающиеся жаркими ночными объятиями умелой фройляйн Анхен, дневные эксперименты с контингентом дворовых девок, вдумчиво сформированном «маткой» Толстой. Всё шло своим чередом....

Лефорт же был доволен: обеспечение потешных полков и строительство крепости Прешпург шло теперь сугубо через него. Да и масштабы этих поставок, благодаря усилиям Егора и фон Зоммера, постоянно возрастали. Закапала нешутейная денюга, стала копиться прибыль, наметились серьёзные перспективы. Егору Лефорт никогда не забывал выплачивать полагающиеся проценты...

Анхен тоже не могла пожаловаться на происходящее: Егор постоянно, по поручению царя, ездил в город, где покупал у разных ювелиров – сугубо с немецкими фамилиями, ценные кольца, броши, браслеты, табакерки и блохоловки.

Однажды ночью осенней, когда царь пошёл проведать свой недавно созданный (и проверенный) гарем, Никита Зотов неожиданно подмигнул и многозначительно мотнул головой в сторону. Егор, привычно стоящий «на часах» рядом с дверью, ведущей в «девичий» покой, скорчил неопределённую гримасу: мол, не могу я сейчас отлучиться, обязан бдить, охранять, и всё такое прочее...

Зотов мотнул головой ещё раз, на это раз демонстративно, властно, очень акцентировано. Егор проследил взглядом в указанном направлении: цветной шёлковый полог, над которым сияли глаза – необычайно ясные, пронзительные, молящие, спрашивающие. Страшные глаза, которым ни в чём и никогда отказать нельзя, материнские глаза...

Егор неслышно, мелкими шагами приблизился к шёлковому пологу, склонился в низком поклоне.

– Я весь – сплошное послушание, ваше царское Величество! Всё, что вам угодно, высококордная Наталья Кирилловна!

– Просто посмотри мне в глаза, охранитель, – попросила царица. – Просто – посмотри мне в глаза...

Он посмотрел. Минута, две, пять...

Царица не выдержала первой, отвела свой взор в сторону.

– Хорошо, охраняй сыночка моего, Данилов сын. Только.... Когда я буду умирать – ты приди ко мне. Я тогда скажу что-то важное...

На следующее утро Егор представил Зотову и фон Зоммеру развёрнутый план по организации охранной службы.

– Однако! – непритворно изумился генерал. – Намного вперёд смотришь, мальчик! Молодец! Но где же мы тебе найдём столько дельных людишек? Самим не хватает! Одни дураки и воры кругом! А тут – ты ещё! Двоих требуешь на проверку пищи государевой.... Ладно, это как раз просто, из стольников подберём, они всё равно ничего не делают: только жрут и спят. Трёх на постоянное сопровождение. А, это они по очереди дежурить будут? Понятно, подумаем...

– А вот ещё! – непонимающе вмешался Зотов. – Пятеро человек – на внешнее вмешательство.... Это ещё что за притча?

– Да вот, к примеру, со Стёпкой Одоевским разобраться надо, – пояснил Егор. – Вы, Никита Моисеевич, не забыли, что именно Степан подослал тех душегубов – к сгоревшему дубу?

Зотов скривился недовольно:

– Я никогда и ничего не забываю. Никогда и ничего! Поэтому и приставлен к царю.... А что ты имеешь в виду, когда говоришь – «разобраться»? Убить, что ли?

– Для начала присмотреться, наладить постоянное наблюдение. Понять, что от этого человека можно ожидать, кто управляет его подлой рукой. Потом уже и принять решение. Если будет надо, то и убить!

– Степан очень знатного рода! – нахмурился царский воспитатель. – Многие бояре будут недовольны, буча поднимется кровавая ...

Егор упрямо передёрнул плечами:

– Значит, так надо убивать, чтобы никто ничего не понял. На лихих людей всё можно списать, на случайность, на чудную болезнь.... Но, согласен, тут действовать надо осторожно, чтобы комар носа не подточил!

– Дельно говоришь, Алексашка, дельно! – согласно пыхтел Теодор фон Зоммер, выпуская к потолку кольца ароматного табачного дыма. – Поможем с людьми! Но ты и сам ищи, сам присматривайся...

Предварительно попробовать царскую снедь и напитки приставили (по рекомендации Зотова), двух братьев Бухвостовых – Сергея и Василия, ребят сообразительных и шустрых. Егор в течение трёх часов инструктировал братьев, можно даже сказать, прочёл настоящую полноценную лекцию: рассказал об основных видах ядов, о характерных запахах, присущих некоторым из них, о противоядиях.

– Вы, сиволапые, уясните главное, – терпеливо втолковывал Егор: – Пробовать всё подряд – дело нехитрое. Отведал отравы – и отбросил копыта, что тут хорошего? А надобно так работу поставить, чтобы и царя уберечь от смертельной опасности, и самим остаться в живых. Уяснили? А для этого надо много знать, читать книжки учёных мужей. Грамотой то владеете? Уже хорошо! Я переговорю с господином Лефортом, он вам подберёт соответственное чтиво. По противоядиям потолкуете с доктором Гансом Фогелем. Спасительную аптечку надо всегда держать под рукой.... Ещё вот по животным. Особо подозрительную пищу надо давать пробовать собакам и кошкам. Для этого существуют специальные породы. Впрочем, по собакам я заведу отдельного человека, есть у меня один на примете. Вот он вас и обеспечит четвероногими помощниками...

Зоммер тоже не обманул – откомандировал к Егору боярского сына Василия Волкова.

Василий был на пару лет старше Егора, но слушался во всём, впитывал как губка всю полезную информации. С первого же дня (по утрам, пока царь изволил сладко спать), Егор начал заниматься с Волковым рукопашным боем, учил метать специальные ножи – с облегчённой ручкой и тяжёлым булатным лезвием. Зотов, ставший случайным свидетелем одного из таких занятий, без долгих раздумий высказал пожелание – присоединиться. Скоро группа пополнилась ещё двумя «слушателями» – Якимом Ворониным и Данилой Картиным, этих прислала лично Наталья Кирилловна...

А ещё через два дня и Указ вышел царский, сообщавший всему русскому люду, что образована Служба охранителей, коей всем предписывалось помогать неустанно, со всем прилежанием. Даже вводились специальные бляхи отличительные...

В заранее назначенный понедельник (после воскресных посиделок у кукуйских друзей Пётр имел привычку дрыхнуть до самого вторника), Егор подъехал к царскому кружалу на Разгуляе, где была назначена встреча со Швелькой. С собой он прихватил Василия Волкова –

пусть молодой боярский сын обучается искусству общения с интересными людьми и процессу вербовки новых перспективных сотрудников.

Он с самого утра тщательно побрился, оделся в голландское платье (Лефортов подарок), на голову нахлобучил короткий пегий парик, поверх парика – широкоую шляпу с павлиньим пером. Кожаные же башмаки с бронзовыми пряжками ему совершенно не понравились, да и неудобно в них было – до невозможности, кровавые мозоли запросто можно было заработать.

Пришлось ехать на Кукуй. У голландского кузнеца Гаррита Киста Егор за тридцать копеек приобрёл ношенные низкие ботфорты жёлтой кожи, добавив ещё полтинник, разжился хорошей шпагой в потёртых ножнах, прикрепил к широкому поясу – с левой стороны. Уже в полной экипировке Егор зашёл в дом Лефорта, генерал как раз заканчивал свой скромный завтрак.

– О, какой симпатичный молодой кавалер! Тебя, Алексашка, запросто можно принять за молоденького баронета из свиты настоящего немецкого принца крови. Правильным путём следуешь, одобряю! – обрадовался Лефорт и подарил Егору тонкий золотой перстенёк с грубо огранённым ярко-красным рубином.

Егор подошёл к большому – во весь рост, зеркалу, висящему в гостиной герра Франца, внимательно изучая своё отражение.

«А что!», – хвастливо заявил внутренний голос, – «И мы – не лыком шиты! То ли ещё будет, уважаемые господа! Потерпите немного...».

Разгуляйское кружало было классическим: состояло из двух отделений, по сути – прямо противоположных друг другу, как женское и мужское отделения общественной бани. Впрочем, во многих русских банях того времени – для люда подлого – и такого разделения не было: мужики и бабы мылись совместно, что называется – бок о бок...

В одной части кружала, обставленной соответствующим образом, собиралась богатая и «чистая» публика: купцы, приказчики, юные отпрыски знатных боярских родов, швейцарские мушкетёры, несшие службу в Кремле. Здесь было тихо и пристойно, велись неторопливые и солидные разговоры, часто звучала иностранная речь. Посетители пили сбитень, имбирное пиво, дорогие зарубежные вина, чай – самоварами, ели пироги с различной начинкой, запечённых в русской печи молочных поросят, покрытых аппетитной золотистой корочкой.

Во втором зале всегда было шумно, публика здесь был разношерстной и беспокойной: то и дело раздавалась громкая брань и шум скандалов, иногда перераставших в безобразные и кровавые драки. Пили здесь так называемое хлебное вино, представляющее собой обыкновенную русскую водку, правда, совершенно неизвестной градусности. Закусывали её, как правило, мятыми ржаными калачами...

Возок Егор остановил около широких ворот, над которыми висел большой бараний череп – идеально отбелённый солнцем, дождями и ветрами, передал вожжи Сергею Бухвостову:

– Здесь нас дожидайся, мы не долго. Смотри, не зевай и от коляски не отходи далеко, вмиг уведут! Наблюдай, запоминай...

У входа в кружало сидел, устало вывалив на сторону розовый язык, знакомый тёмно-серый волкодав, следовательно, Швелька уже был на месте.

Вошли внутрь: Егор – в зарубежном платье, шёл первым, следовавший за ним Василий Волков был одет в скромный зелёный кафтан Преображенского батальона, при этом на Васькиной голове красовалась шикарная бобровая шапка. Вот такое вот сочетание нового – с патриархальной стариной.... Целовальник – чернявый суровый мужик, завидев солидно одетых посетителей, отвесил уважительный поклон и предупредительно махнул рукой направо, приглашая гостей в «чистый» зал.

– Ты, милоч, вот что сделай! – обратился к целовальнику Егор, поглядывая сверху вниз и презрительно цедя слова через гордо выпяченную вперёд верхнюю губу. – Отыщи-ка мне в

том – «подлом» зале, одного человечешку. Его звать – Швелька, он хват с Рыбных рядов. При нём ещё один выюныш должен обретаться. Найдешь – тут же приведи ко мне. На стол выставь два кувшина с имбирным пивом, пирогов разных, студень говяжий, ещё – какой-нибудь.... Выполняй, родимый!

Егор и Волков уселись на широкую скамью, стоящую рядом с массивным дубовым столом. Через несколько минут к столу, явно немного робея, подошёл Швелька, за спиной которого смущённо пыхтел широкоплечий русоголовый парнишка, обладатель лучистых васильковых глаз.

– Э-э, – начал Швелька, заикаясь и краснея, – Это вы нас з-звали, бояре?

– Садитесь, добры молодцы! – небрежно указал Егор пальцем на скамью по другую сторону стола. – Ты что же, Швелька, не узнал меня?

– Н-нет, не узнал, милостивец, извини...

– Меньшиков я, Александр, Данилов сын.

– Алексашка? Не может быть! – Швелька неуверенно оглянулся на своего синеглазого напарника. – Лёша, узнаёшь своего дружбана? Ты же с ним торговал пирогами. А сейчас, гляди на него, натуральный господин с Кукуя! Немец вылитый!

Но его голубоглазому приятелю было сейчас не до Егора, он неотрывно и испуганно пялился на Василия Волкова – словно беззащитный кролик на грозного удава.

– Да это же холоп мой беглый, Алёшка Бровкин! – наконец прозрел Волков. – В железо его, гада, в кандалы!

– Отставить! – прикрикнул Егор и стукнул кулаком по столу. – Не надо вопить – как резаные, привлекать внимание нездоровое! Мы, чай, занимаемся государевыми делами, это понимать надо.... Вот сейчас, Васенька, это отрок является твоим холопом беглым. Плохо это, согласен.... А если он примет моё предложение, тогда как? А вот тогда – он станет царёвым слугой, а это, согласишься, совсем другое дело! Ладно, оставим этот разговор на потом.... Присаживайтесь, ребятки, сейчас пива принесут, закуски разной. Перекусим немного, вот и переговорим тогда...

Попили пивка, отведали пирогов – с горохом, со свининой, осетровой тешей, побаловались говяжьим и заячьим студнями.

– Такое у меня к вам, бродяги, будет предложение! – веско сказал Егор, старательно вытирая руки об льняное полотенце. – Указом нашего государя, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя Руси, я назначен царёвым охранителем. Более того, по этому Указу я должен создать особую охранную службу. Вот и вас, шалопаев, хочу пригласить – послужить нашему государю. Плату обоим положу дельную, хорошую, для начала – по шестьдесят рублей на одного в год, ну и столовое довольствие, бесплатная одёжка и обувь. Как, оно вам?

– А делать то чего будет надо? – сонно спросил Швелька, слегка разомлевший от пива и сытной еды.

– Алёшка при мне будет состоять: сперва – на посылках, потом отдельное дело поручу ему, серьёзное.... А ты, Швелька, будешь по собачьей части. С цепными кобелями надо разобратся, порядок навести. Да нужны и другие собаки...

– Охотничьи? – посветлел Швелька лицом. – Для псовой охоты?

– Это вряд ли! – зевнул Егор, вежливо прикрывая рот ладошкой. – Наш Пётр Алексеевич относится к охоте прохладно. Он у нас всё больше по военной части.... А вот собаки-нюхачи, могущие идти по следу человека, собаки – для прочих охранных нужд, вот это – да, очень даже нужно!

– Да мы, Александр Данилович, полностью согласные! – напустив на себя полную покорность, высказался Швелька. – Шестьдесят рублей – деньги совсем неплохие. Ежели, конечно, для начала. А вот дополнительные выплаты: ночные, заревые, праздничные, по ранению, свадебные... Они то – предусмотрены!

– Предусмотрены! – совершенно серьёзно подтвердил Егор, – Меня, кстати, называйте просто и доходчиво – «командиром», – он обернулся к окну, на какой-то неясный шум...

Правая рама мутного окна была широко открыта, из неё торчала очень странная трубка – расширяющаяся на конце. Опа, да это ствол стрелецкой стандартной пищали!

– Лечь всем! – заорал Егор, падая вниз и сдёргивая со стола льняную скатерть – со всем находящимся на ней...

Грохнуло, всё помещение тут же заволокло густым белым дымом...

Глава пятая

Охота на охотника и голубой луч

Тоненько и жалобно вскрикнул Алёшка, глухо застонал Волков.

Егор быстро вскочил на ноги, выхватил из-за голенища ботфорта метательный нож, обернулся к окну. Сквозь дымную пелену было видно, что дуло стрелецкой пищали уже исчезло.

– Целовальник, ко мне! – взревел Егор. – Перевязать раненых, живо у меня! – подскочил к столику, за которым сидело троица швейцарских мушкетёров (наёмники-бездельники, несшие формально-охранную службу в Кремле), выхватил из кармана серебряную бляху, вручённую совсем недавно Никитой Зотовым: – Их бин – охранитель кёнига Петера. Указ читали? Быстро за мной! Форверст! Найти воров!

Отшвыривая в разные стороны посетителей кружала, случайно оказавшихся на его пути, Егор бросился к входной двери. Рядом бежал Швелька с ножкой от табурета в руках, сзади грохотали сапоги мушкетёров, слышался лязг вынимаемых из ножен шпаг...

Найти никого не удалось, только несколько нищих и калек испуганно жались возле ворот кабацких.

– Взять всех! – приказал Егор. – Швелька, допроси тщательно! Можешь не стесняться, лупцевать от души по мордасам, отрезать пальцы и уши! Я – сейчас...

Он выбежал за ворота, подскочил к повозке, на облучке которой сидел невозмутимый Сергей Бухвостов.

– Кто пробежал здесь только что?

– Никого подозрительного не было, Александр Данилович! – браво отрапортовал Серёга.

– Кто пробегал, я тебя спрашиваю, чавка сонная? – Егор крепко схватил Бухвостова за отвороты кафтана, сильно затряс – как дерево-грушу. – Хоть кто-нибудь – пробегал? Отвечай, как варёный, не молчи!

– Только два стрельца, больше никого!

– Что за стрельцы, какого полка?

– Да не знаю я, не разбираюсь в этом...

– Какого цвета у них были кафтаны, сучий выползок?

Оказалось, что Сергей Бухвостов – дальтоник, и в цветах не понимал абсолютно ничего...

У Швельки дела продвинулись гораздо дальше: после жёстких допросов нищих было непреложно установлено, что стрельцы принадлежали к Пыжову полку.

– Ну, и что это нам даёт? – спросил Егор.

Швелька лукаво заулыбался:

– Это как посмотреть! С одной стороны – и ничего. А вот с другой... Настоящий хозяин Пыжова полка – князь Иван Андреевич Хованский, по прозвищу – Таратуй. А князь Иван, он состоит в приятельских отношениях с боярином Степаном Одоевским. В очень странных отношениях, как говорят люди знающие.... А ещё Хованский у Правительницы Софьи – в почёте. Смекаешь, господин охранитель?

– Смекаю...

У Алёшки рассекло голову – но совсем неглубоко, хотя и крови натекло – целое море. А у Василия Волкова свинцовый шарик прочно засел в ляжке.

– Это подлые стрельцы шарахнули в нас картечью! – пояснил Швелька. – Если бы мы не попадали на пол, то давно бы уже танцевали на небесах кадрили – с ангелами небесными...

Отвезли раненых в Преображенское, туда же оперативно доставили доктора Фогеля.

– Ничего страшного, герр Александэр! – заверил Егора опытный врач. – Мальчик с голубыми глазами может уже через три дня подняться с постели. А герр Волкофф – недели через полторы, я вынул из его ноги свинцовую пулю, повезло боярину, что кость не задело...

Вечером состоялось срочное совещание.

Присутствовали: Егор-Алексашка, Никита Зотов, генерал Теодор фон Зоммер и Пётр Романов – государь всея Великия и Малыя Руси. Пётр, по своему вечернему обыкновению, собирался удалиться в свой дворцовый «гарем» (а может, и в токарную мастерскую, где обожал возиться с разными железяками, – ещё не решил до конца), но Зотов взмолился слёзно:

– Государь, надежда наша, останься! Дело то – наиважнейшее: о жизни и смерти!

– Ладно, остаюсь! – смиростивился царь. – Только давайте быстрее, без лишних речей!

Слово взял фон Зоммер: кратко обрисовал цепь последних событий, сжато доложил об утреннем покушении. Царь хмурился, но внешне был спокоен, только нервно качал своей длинной ногой.

– Разрешите, государь? – незамедлительно подхватил эстафету Никита Зотов, дождался короткого кивка: – Сегодня утром за Яузой были замечены стрельцы в клюквенных кафтанах. Судя по всему – из Пыжова полка. Внимательно осматривая местность, они тремя группами якобы проследовали к Москве, но на самом деле встали лагерем в трёх с половиной верстах от Преображенского. Всего их больше сотни...

Вот тут-то Петра проняло крепко, уже по-настоящему, он мгновенно вскочил на ноги, запаниковал:

– Преображенцев и семёновцев – поднять в ружьё! Усилить посты, приготовиться к обороне! Что вы тут все расселись? Живо на позиции! Смерти захотели моей? Я помню, помню, как стрельцы боярина Матвеева подняли на свои пики.... Помню! – на юношеских губах заплыла пена, зубы начали отстукивать громкую барабанную дробь...

Насилу успокоили царя – совместными усилиями.

– Алексашка! – жалобно обратился Пётр к Егору. – Ты молчишь почему? Что думаешь, охранитель?

Егор солидно откашлялся, расправил плечи.

– Первым делом, Пётр Алексеевич, надо обязательно усилить преображенцев и семёновцев! Солдат ещё надо – человек шестьсот, да вооружённых настоящими ружьями и мушкетами. К ним офицеров толковых. Из Пушкарского приказа необходимо выписать бронзовых пушек, мортир, единорогов, порошу с запасом великим, ядер чугунных, бомб зажигательных.... Мушкеты, офицерские пистолеты, доброе холодное оружие – всё это можно выписать через герра Лефорта, я у него намеренно видел новые образцы. Он всё доставит за неделю...

– Постой-ка, братец мой! – остановил царь Егора и строго посмотрел на Зотова и фон Зоммера: – Запоминайте, высокоумные мои, запоминайте! Можете и записать, если память плоха! – снова обратился к своему охранителю: – Продолжай, Данилыч!

– Второе. Надо срочно установить наблюдение за домом Степки Одоевского, выяснить распорядок его дня, изучить все ходы и выходы...

– Зачем? – округлил от удивления свои карие глаза царь, задёргал худым мальчишеским кадыком.

– Степан охотится за тобой, государь! Упрямо охотится. А теперь уже и за мной.... Кто стоит за ним, кто управляет его злой рукой? Этого тебе никто точно сказать не сможет. Может, это сама Правительница Софья, может – кто-то другой. Не понять пока...

Помолчали.

– Так что со Степаном то? – нерешительно спросил Пётр.

Егор тяжело вздохнул:

– Со Степаном что? А вот изучим обстановку, тогда и примем решение. Если можно уничтожить – не поднимая лишнего шума, то и уничтожим. А можно и просто покалечить, например, лошадь понесла и сбросила, или у кареты колесо неожиданно отвалилось на ходу...

Уже перед сном он зашёл в каморку, где расквартировались его новые сотрудники. Убедившись, что Алёшка чувствует себя нормально, почесал за ухом серо-чёрного волкодава по кличке Хмурый (можно и просто – Хмур), вызвал Швельку в коридор – на пару слов.

– Смотри, с завтрашнего дня начинаешь плотно заниматься собаками! Послезавтра уже доложишь мне – сколько надо ещё прикупить и каких. Далее. Заметил уже, что во дворце полно убогих старушенок и нищенок, которые своими разговорами развлекают Наталью Кирилловну, матушку царскую? Вот и поищи возле Рыбных рядов всяких бабушек, которые и царицу могли бы заинтересовать, и нам бы чётко докладывали – что делается во дворце, чем он дышит – на самом деле.... Уяснил?

На разведку (через трое суток после неприятного происшествия в кружале), к дому Степана Одоевского Егор взял с собой Алёшку Бровкина. Голова у мальчика была ещё обмотана льняной повязкой, но ничего, держался он молодцом.

Ранним утром они сели в двуколку, в ногах сложили деревянные лотки с ремнями, заехали на Кукуй, где Лукерья –стряпуха Лефорта, напекла вдоволь подовых пирогов – с капустой, горохом, луком, зайчатинной, свининой, калачей с мёдом и изюмом, – решили вести наблюдение под привычной личиной, изображая из себя пирожников с Серпуховских ворот. Оделись соответственно с образом, даже лапти напялили на ноги.

– Ой, Санюшка, какой ты смешной в лапоточках! – всплеснула руками Лушка. – Прямо деревенский! Да и помолодел, года три сбросил, когда расчесался вот так...

Повозку оставили у Рыбных рядов – на попечение Швельки, который ради такого дела вспомнил старые связи, да и среди пожилых нищенок и уродок проводил определённую работу – на предмет вербовки надёжных кадров.

– Ну, и где здесь дом нашего князюшки Одоевского? – шепнул Швельке Егор, передавая ему вожжи.

– Пройдете направо вон по тому переулку, вот и выйдите на Варварку. У Одоевских – угловой дом, широкие синие ворота с двумя жёлтыми петушками. Напротив дома – лавка мануфактурная: если что, то один товар смотрит-разглядывает, а другой его ждёт на скамеечке и лузгает семечки...

– Ладно, мы пошли. Посматривай здесь!

Разложили пироги по лоткам, накинули ремни на плечи, пошли мимо Рыбных рядов, изредка покрикивая:

– Налетай, родимые, расхватывай!

Особого ажиотажа не наблюдалось, подходили только отдельные покупатели: одинокий пьяненький стрелец, парочка стряпчих, дородная купчиха, которая, похоже, есть готова была всегда – всего и без всяких ограничений.

Варварка оказалась улочкой достаточно широкой (относительно близлежащих), тихой и сонной, щедро заваленной конским навозом – как уже высохшим, так и совсем свежим.

Возле нужных ворот трое сытых и широкоплечих холопов увлечённо играли в пристенок, лениво переругиваясь между собой. Впрочем, один из игроков посмотрел на проходящих пирожников очень уж недобро и внимательно.

«Профессиональный взгляд, фиксирующий такой!», – отметил Егор. – «Дежурство у мануфактурной лавки придётся отменить, тут же срисуют. А, жаль! Удобное место, идеальное – для наблюдательного пункта...».

Додумать он не успел, сзади послышался громкий стук копыт, звонкий, чуть визгливый голос скомандовал:

– Открывайте ворота, морды ленивые! Живо мне, заporю!

На всякий случай Егор прижался к стене дома на противоположной стороне Варварки и обернулся. Около синих ворот – с «сидящими» на них жёлтыми петушками, нетерпеливо приплясывал каурый в яблоках красавец-конь с ловким седоком на спине, чуть дальше застыл знакомый кожаный возок, с запряжёнными в него двумя неказистыми гнедыми лошадками.

Всадник выглядел очень нарядно и даже импозантно: широкие синие шаровары, алые сапоги с вздёрнутыми вверх носами, зелёный кафтан-ферязь с высоким воротником, тонкие губы ярко накрашены, глаза подведены до висков, кривая татарская сабля на боку.

Холопы торопливо вскочили на ноги и, раболепно кланяясь, бросились открывать ворота.

Через две минуты и разряженный всадник, и кожаный возок въехали во внутренний двор, ворота тут же плотно закрылись.

Пирожники-шпионы, подмигнув друг другу, торопливо свернули в ближайший переулок.

– Возок принадлежит нашему любезному доктору Фогелю, и это очень странно! – зашептал Егор. – А вот кто этот, на коне в яблоках? Размалёванный, как девка гулящая?

– Михайла Тыртов, из мелкопоместных! – так же тихо ответил Бровкин. – Он это, того.... Сожительство с боярином Степаном...

Егор с чувством сплюнул в сторону и мысленно выругался: «Ну, надо же! И здесь всё то же самое, пэдорасти – куда не плюнь, мать их!».

После непродолжительных раздумий, он принял решение:

– Слушай сюда, Лёха! Сейчас возвращаешься к Швельке: сразу же выезжаете к дому Фогеля и там ждёте приезда доктора. Мол, приехали от меня, за каплями от красноты и рези в глазах. Пусть Швелька выпытает, зачем герр Фогель приезжал к Одоевскому. Только сделать это надо красиво, без деревенской глупости, чтобы доктор не заподозрил чего плохого. Понимаешь? После этого ты, Алёшка, возвращаешься сюда и ищешь, где мы с тобой сможем скоротать время до темноты – не привлекая нездорового внимания. Далее, эти глазные капли заberi у Швельки, запихай за пазуху и береги – как зеницу ока. Но пробку не открывай! Ага, вот ещё. Пусть от доктора Швелька сразу скачет в Преображенское и все микстуры, порошки и настойки, которые поступили от Фогеля, у всех отберёт, сложит в одну плетёную корзину и спрячет в надёжное место. Всё, встречаемся за теми широкими торговыми рядами, где продают раков, как зазвонят к вечерней молитве.... Да, пироги то оставь, поторгую уж за тебя... Э, переложи их на мой лоток, а пустой возьми с собой. Куда мне – два?

Егор, сделав широкий круг, снова оказался на Варварке, но он уже не подходил близко к синим воротам, чтобы не попадаться на глаза тому холопу – с внимательными глазами. Ходил себе по диагонали – в самых разных направлениях, изредка покрикивая:

– Налетай, родимые, расхватывай! Пироги подовые, медовые! С зайчатиной, с горохом, со свиным боком! Подходи, православные, пироги славные!

Может, скороговорки эти работали, может, Лушкин поварской талант тому виной, но народ подходил, исправно платил просимые копейки, некоторые, попробовав, даже говорили добрые слова и покупали ещё...

Наконец, вдали показалась повозка доктора. Егор тут же отошёл в сторону, прикрыл лицо рукой, наблюдая сквозь пальцы за улицей. В боковом окошке мелькнуло лицо герра Фогеля – очень озабоченное и даже – откровенно испуганное...

– Что ж! – тихонько пробормотал себе под нос Егор. – С этим всё понятно – более-менее.... Ладно, теперь ещё раз сделаем кружок и зайдём с другой стороны, дом-то у нашего боярина – угловой...

Он узким переулком снова подошёл к высокому (два метра с небольшим), забору, ограждавшему княжеский двор Одоевских. В переулке было очень тихо, пыльно, тоненько попискивали комары, изредка о чём-то перекликались мелкие пичуги.

– Смотри-ка ты, ещё одни ворота! Скромные только такие, узкие, одностворчатые, – тихонько удивился Егор. – И натоптано то как! Причём, только с одной стороны...

Действительно, от ворот до Варварки переулок был достаточно сильно заросшим лебедой и подорожником, а в противоположную сторону вела очень хорошо натоптанная тропа, судя по многочисленным отпечаткам подков на чёрной земле – конная.

В метре от этих тайных ворот росла высокая и толстая вишня, ветки которой были густо увешаны мелкими красными ягодами. Егор долго раздумывать не стал: поставил лоток с оставшимися пирогами на землю, закатал рукава рубахи, поплевал на ладони, ловко полез вверх по шершавому стволу. Поднялся метра на три и насторожённо замер, прячась в густой зелёной листве: где-то совсем близко кто-то громко и надсадно кашлял.

«Ага, это из открытого окна второго этажа!», – понял Егор. – «Дальше лезть не стоит, заметят ещё...».

– Ох-ти, Степан Семёнович, где ж ты простыл так-то? – потёк медовой патокой подобострастный голосок. – Ты микстурку то немецкую пей, милостивец, оно и полегчает!

Послышалось горькое бульканье и тихое причмокивание, ещё через полминуты жёсткий, слегка свистящий голос облегчённо произнёс:

– Фу, отпустило! Мокроты отходить начали, знает Фогель своё дело, знает, гадёныш.... Будем думать, что и наказ мой выполнит, сделает всё, как приказано ему...

– Сделает, князюшко! – заверил медовый голосок. – А, еже ли что, то я его, старого колбасника, ужо попользую по-своему, так – попользую...

– Уймись, Мишка! – недовольно прикрикнул Одоевский (кто же ещё – раз Степан Семёнович?). – Сюда лучше слушай...

– Слушаю, князюшко, слушаю!

– Сегодня ночью без меня поедите на тракт. Делать так. Морды обмотайте тряпками, или наденьте маски – у кого есть. Когда ярославский обоз возьмёте, то пару ямщиков и купчишек – оставьте в живых, а Матвейку Шошина – величайте Львом Кирилловичем. Понял? Громко величайте, чтобы те дурики крепко запомнили..., – князь Степан опять зашёлся в сильном приступе лающего кашля.

– Отойди, милостивец, от окошка! – тут же заныл Тыртов. – Отойди, Христом Богом прошу, продует ведь...

Встретились за «рачьими» рядами, возле серого купеческого амбара, в чугунных дверных петлях которого висел полупудовый бронзовый замок.

– Ну, докладайте, орлы! – велел Егор. – Да не суетитесь, расслабьтесь, времени у нас ещё много. Вон – завалинка подходящая. Присядем...

– Выведал я всё у Фогеля! – зачастил Швелька. – Заболел наш Стёпушка, жар у него, сильный кашель. Доктор ему всяких микстур прописал, капель, порошков.... Но глаза у герра Фогеля были – при этом его рассказе, очень испуганные, бегали туда сюда – словно рыжие тараканы по избе. А когда я начал толковать про те глазные капли, так он сразу побелел, засуетился, начал грызть свои ногти.... Потом убежал на второй этаж и вернулся назад уже нескоро, – я даже соскучиться успел. Протягивает стеклянный флакон с лекарством, а руки то – дрожат.... Алёшка, где этот пузырёк?

Бровкин бережно достал из-за пазухи маленькую стеклянную бутылочку, протянул Егору:

– Странная она, командир. То есть, очень уж холодна: как была ледяной, так ледяной и осталась, не хочет нагреваться от тела...

Егор осторожно потрогал флакон ладонями, оглядел на просвет, недобро усмехнулся, спрятал в карман холщовых штанов, спросил, непонятно к кому обращаясь:

– А вот тот узкий проулок, что у княжеского дома, он куда выходит?

Швелька задумчиво почесал в затылке:

– Это тот, который Варварку пересекает? Ну, в одну сторону, там, где конная тропа, это к Москве реке, там недалеко проходит Серпуховская дорога. А в другую – это уже к Покровским воротам. Да, ты, Данилыч, просил место подобрать, где до темноты можно пересидеть...

– До полночи! – уточнил Егор.

– Так вот, есть такое место, и отсюда – совсем недалеко, через две улицы.

– Что за место? Надёжное?

– Надёжное, очень надёжное! – заверил Алёшка. – Постоялый двор такой, тайный. Там холопы беглые время пережидают, стрельцы-дезертиры, люди лихие – что числятся в розыске. Да мы же с тобой там ночевали как-то, Ляксандра Данилыч, в том году, когда ты сбежал от батяньки своего.... Помнишь?

– Было дело, – осторожно кивнул Егор головой. – Только вот само место – запомнил...

Они вышли за ворота тайного «постоялого двора» уже чёрной ночью. Впрочем, полной темноты не было: небо было ясным, в северной части небосклона висела яркая жёлтая луна, многочисленные звёзды подмигивали – лукаво и совершенно по-приятельски...

– Значится так! – громким шёпотом объявил Егор. – Ты, Швелька, езжай прямо сейчас к Покровским воротам. Бляха то – с собой? Если стрельцы пристанут, сразу им в морду пихай бляху то и посылай – куда подальше.... Всё понял? А ты, Алёшка, на стрёме постоишь, пока я слажу в гости к нашему князю. Если что, сигнал подашь. Петухом то умеешь кричать? Вот и прокукарекаешь – ежели что. Неосторожно это – ночью вопить петухом, да ладно уж, сойдёт – на первый раз...

Они затаились за высокими кустами сирени, что росли на углу нужного проулка и улицы Варварки.

– Чего ждём-то, Данилыч? – жарко зашептал ему в ухо Бровкин.

– Ты, Лёха, привыкай меня называть «командиром»! – также тихо ответил Егор. – В нашем деле – мелочей не бывает! Чего ждём? Ты что, не слышишь, как шумят за забором? Вон и кони всхрапывают...

– Похоже, они лошадей седлают! – неуверенно предположил Алёшка. – Куда это наши молодцы собираются – на ночь глядя?

– Куда, куда.... Туда, на дела лихие, на разбой ночной...

Наконец раздался тоненький противный скрип, одностворчатые ворота распахнулись, в переулок начали (в свете одинокого факела), один за другим, выезжать едва различимые всадники: шестеро – в тёмных и неприметных одеждах, седьмой – в белом атласном кафтане и в боярской бобровой шапке.

«Подо Льва Кирилловича, любимого царского дядю, кто-то вырядился!», – отметил про себя Егор. – «Лищедеи, тоже мне! Только вот интересно, кто придумал такую запутку?»

– Ну, с богом, ребяташки! – проскрипел жестяной голос князя Степана. – Делайте всё, как я вам велел!

Мягкий перестук лошадиных копыт, предусмотрительно обмотанных тряпьем, затих в проулке, коротко проскрипели петли, ворота закрылись, вокруг снова установилась чуткая ночная тишина...

Выждав примерно (по ощущениям), минут сорок, Егор махнул рукой, выбрался из сирени, по нетоптаной траве подошёл к одностворчатым воротам, положил руку на ствол вишнёвого дерева:

– Всё, Алёха, я пошёл! Не зевай тут, при первой же подозрительной ерундовине – кричи громко молоденьким петушком...

Он за одну минуту поднялся на четырёхметровую высоту, ловко перебрался с дерева на деревянный приступок, шедший по всему периметру дома и отгораживающий первый этаж от второго, ухватился за распахнутую и закреплённую ставню, осторожно заглянул в распахнутое окно, откуда нестерпимо пованивало грязным постельным бельём и давно немытыми мужскими ногами.

В просторной комнате тускло горели три свечи, вставленные в гнёзда подсвечника, одиноко стоящего на прямоугольном дубовом столе, украшенном искусной резьбой. В большом удобном кресле сидел, устало подперев голову рукой, странный человечек, в жилах которого, несомненно, добрая половина крови имела татарское происхождение. Выпуклый безбровый лоб, раскосые карие глаза, маленький, слегка кривоватый нос, на безвольном подбородке – несколько тонких и длинных рыжеватых волосин. Одет человечек был в парчовый халат – восточного кроя, богато расшитый золотыми и серебряными нитями, на маленькой голове красовалось некое подобие тюрбейки, украшенной разноцветными камнями, на столе, рядом с татарским господином, лежала пижонская тросточка – тонкой иноземной работы.

«Это и есть Степан Семёнович Одоевский!» – решил Егор, вспомнив нужную главу из романа Алексея Толстого. – «Действительно – хилjak хилjakом, не то, что соплёт, обычным плевком запросто можно перешибить. Так перешибить или как? Может, достаточно просто запугать до полусмерти и тщательно допросить?».

Неожиданно со стороны широкой печной трубы, едва видимой в дальнем углу, раздался мужской голос – приятный глубокий баритон, говорящий с едва заметным, мягким иностранным акцентом:

– Уважаемый Степан, свет Семёнович! Всё ещё сомневаетесь? Тысячу ефимок мой казначей отсыпал вам ещё утром. Не так ли? Ещё две тысячи будет вручено – по окончательному завершению дела... Надеюсь, ваши обязательства также будут полностью выполнены?

– Выполню, выполню! – заскрипел Стёпка своими жёлтыми и кривыми зубами. – Только одного не могу взять в толк, господин...

– Не надо никаких имён! Мы же договаривались...

– Хорошо, хорошо! Просто ни как не могу взять в толк, чем вам царь Пётр так не угодил? Зачем его надо убивать? Обычный мальчишка, глупый, недалёкий, совсем неопасный...

– Э-э, неопасный..., – сладко зевнул баритон. – Очень даже опасный! Если вам, мой милый князь, не нужны деньги, то и другие желающие найдутся. Найдутся – непременно! Вы уж поверьте мне...

– Да верю, верю! Это я так просто. Царь, всё же...

– Ну что ж, князь. Тогда, разрешите мне откланяться, время уже достаточно позднее, а я с утра уезжаю из России, дела...

Егор решил действовать: очень уж хотелось взглянуть – на этого иностранного заказчика Петровой смерти, поболтать с ним – вдумчиво и по душам, пока тот не покинул просторов русских... Ловко оттолкнувшись от бревенчатой стены, Егор влетел в комнату, подскочил к столу, хуком справа послал Стёпку на пол, мгновенно переместился к печной трубе, крутанул обычную «вертушку», крепко приложив пяткой по груди не известного господина, чьё лицо было скрыто чёрной широкополой шляпой. Убедившись, что «чёрная шляпа» отключилась, он вернулся к дубовому столу, поднял с пола безвольное княжеское тело, бережно усадил в кресло, положил указательный палец на сонную артерию, пытаясь нащупать пульс.

«Дурак ты, братец!», – совершенно невежливо сообщил внутренний голос. – «Действительно – перешиб! Однозначный хладный труп...».

Недовольно пожав плечами, Егор достал из кармана флакон с микстурой от доктора Фогеля, осторожно вытащил деревянную пробку, капнул Степану на закрытый глаз (капли то – глазные!). Сильно зашипело, запузырилось, через десять секунд на княжеском лице зияла чёрным страшным провалом (на месте глаза), пустая глазница...

– Ну, доктор, сука старая! – не стерпел Егор. – Так торопился, что залил в бутылочку чего-то навроде кислоты... Доберусь я до тебя, немецкий недоносок! Хотя, если так торопился, то уже, наверное, и не найти его. Свалил – не иначе...

Он обернулся, чтобы заняться вторым пленным, но – не успел. Всё вокруг неожиданно заполнилось ярким голубым свечением, по ушам больно ударило взрывной волной...

Уже теряя сознание, Егор услышал – как где-то звонко и тревожно прокричал молоденький петушок...

Он открыл глаза, чуть шатаясь, поднялся на ноги, прислушался: где-то внизу надрывались испуганные голоса, слышался громкий топот сапог.

«Ага, это я в обмороке минуты две всего провалялся!», – подумал Егор и мельком огляделся вокруг. Судя по всему, он находился в крестовой палате: многочисленные иконы и образа, стены, обитые тёмно-синим бархатом, на полу – роскошные мягкие ковры, многочисленные сундуки и ларцы, покрытые парчой и шёлком, у окна – напольные часы с медным слоном на верхней башенке.

Понимая, что времени уже – в обрез, он подошёл к печной трубе, где горкой лежали какие-то тёмные тряпки, над которыми поднимались худенькие спирали молочно-желтоватого дыма.

– Куда же подевалось тело нашего загадочного иноземца? – тихонько удивился Егор, поддевая носком лаптя чёрную, в нескольких местах дырявую шляпу. Выяснилось, что под шляпой располагался нарядный тёмно-коричневый камзол, а под камзолом – высокий конус серого пепла...

По лестнице дробно зацокали подковки, прибитые к каблукам чьих-то сапог, Егор метнулся к раскрытому окну, влез на подоконник, перепрыгнул на вишнёвое дерево, разодрав при этом правую щёку, скользнул по стволу вниз.

– Живой, командир! Слава Богу! – облегчённо выдохнул Алёшка. – А я уж подумал...

– После! – недовольно отмахнулся Егор. – Ходу! Давай за мной...

Пробежав по проулку примерно половину расстояния – до Покровских ворот, они остановились.

– Ну, рассказывай, что там произошло... Чего кукарекал то?

– Сейчас я, сейчас..., – всё никак не мог отдышаться Бровкин. – Сейчас, командир...

– Ну, ты даешь! – искренне возмутился Егор. – Пробежали всего – ничего, версты полторы, наверное, а он уже и запыхался! С завтрашнего дня – бегать у меня будешь по утрам: кроссы по пересечённой местности, так тебя растак...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.